

262
782

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ЭДГАРА ПО
ВЪ ПЕРЕВОДѢ СЪ АНГЛІЙСКАГО
К. Д. БАЛЬМОНТА ТОМЪ ТРЕТІЙ

СТРАШНЫЕ РАЗСКАЗЫ,
ГРОТЕСКИ

МОСКВА 1911
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„СКОРПИОНЪ“

Государственная
Библиотека
СССР
им. В. И. Ленина

Г 3190-61

МОСКВА,—1911.

Товарищество типографии А. И. Мамонтова.
Леонтьевский пер., д. № 5.

2010513157

УБИЙСТВО ВЪ УЛИЦѢ МОРГЪ.

Какую пѣсню пѣли Сирены, или какое имя принялъ Ахиллесъ, когда онъ скрывался среди женщинъ, эти вопросы, хотя и ошеломительны, все же не внѣ *всякой* догадки.

Сэръ Томасъ Броуни.

Умственные черты, обсуждаемыя какъ аналитическія, сами по себѣ лишь мало способны къ анализу. Мы опѣиваемъ ихъ только по ихъ слѣдствіямъ. Мы знаемъ о нихъ, наряду съ другими обстоятельствами, что они всегда являются для ихъ обладателя, когда онъ обладаетъ ими въ неумѣренномъ количествѣ, источникомъ самаго живого наслажденія. Какъ сильный человѣкъ наслаждается физической ловкостью, предаваясь такимъ упражненіямъ, которыя приводятъ его мускулы въ движеніе, такъ человѣкъ анализирующій извлекаетъ для себя славу и восторгъ въ той умственной дѣятельности, которая *распутываетъ*. Онъ извлекаетъ наслажденіе даже изъ самыхъ тривіальныхъ занятій, приводящихъ его талантъ въ дѣйствіе. Онъ увлеченъ загадками, игрою словъ, гіероглифами; ибо въ разрѣшеніи каждой загадки онъ являетъ извѣстную степень *тонкой проницательности*, кажущейся воспріятію заурядному сверхъестественной. Получаемые имъ результаты, обусловливаемые самою душою и сущностью метода, имѣютъ, на самомъ дѣлѣ, видъ совершенной интуиціи.

Способность разрѣшенія, возможно, очень усиливается изученіемъ математики, и въ особенности той высшей ея отрасли, каковая, несправедливо, и, главнымъ образомъ, на основаніи ея всякъ идущихъ операций, была названа какъ бы *par excellence*, анализомъ. Шахматный игрокъ, напримѣръ, дѣлаетъ одно безъ усилія въ другомъ. Отсюда слѣдуетъ, что игра въ шахматы въ своихъ дѣйствіяхъ на умственную природу весьма невѣрно истолковывается. Я не пишу нынѣ какой-либо трактатъ, но просто—въ видѣ предисловія къ нѣскольکو своеобразному повѣствованію—весьма наудачу привожу различныя соображенія; я воспользуюсь по этому случаю возможностью утверждать, что непоказная игра въ шашки требуетъ болѣе рѣшительно и болѣе планомѣрно высшихъ способностей размышляющаго пониманія, нежели всѣ утонченныя суетности шахматной игры. Въ этой послѣдней, гдѣ фигуры имѣютъ различныя и *причудливыя* движенія съ различными и мѣняющимися цѣнностями, то, что лишь сложно, ошибкою (ошибка отнюдь не необычная) принимается за то, что глубоко. *Вниманіе* весьма сильно призывается здѣсь къ дѣйствію. Если оно ослабѣваетъ на мгновеніе, совершается недосмотръ, и отсюда ущербъ или пораженіе. Такъ какъ возможныя движенія не только многообразны, но и развертываются по кривой линіи, вѣроятія такихъ недосмотровъ многочисленны; и въ девяти случаяхъ изъ десяти выигрываетъ не болѣе тонкій игрокъ, а скорѣе болѣе сосредоточенный. Въ шашкахъ, напротивъ, гдѣ движенія *единообразны* и лишь мало видоизмѣняются, вѣроятія недосмотра уменьшены, и такъ какъ простое вниманіе сравнительно не призывается къ пользованію, выгоды, получаемыя той и другой партіей, получаютъ превосходной степенью *тонкаго пониманія*. Чтобы быть менѣ отвлеченнымъ—предположимъ игру въ шашки, гдѣ фигуры сведены до четырехъ дамокъ и гдѣ, конечно, нельзя ожидать никакого недосмотра. Явно, что здѣсь побѣда мо-

жетъ быть рѣшена (при полномъ равенствѣ игроковъ) лишь какимъ-нибудь *изысканнымъ* движеніемъ, какъ результатомъ какого-нибудь сильнаго напряженія ума. Лишенный обычныхъ ресурсовъ, человѣкъ анализирующій опрокидывается въ духъ своего противника, отождествляетъ себя съ нимъ и нерѣдко видитъ, такимъ образомъ, единымъ взглядомъ единственную возможность (иногда поистинѣ нелѣпо простую), съ помощью которой онъ можетъ вовлечь въ ошибку или подтолкнуть въ невѣрный расчетъ.

Долгое время обращалъ на себя вниманіе вистъ, благодаря своему вліянію на то, что зовется способностью рассчитывать; и люди съ умственными способностями высокаго разряда, какъ извѣстно, находили въ этой игрѣ, по видимости, необъяснимое наслажденіе, избѣгая въ то же время игры въ шахматы, какъ вещи пустой. Безъ сомнѣнія, нѣтъ никакой игры, по природѣ родственной, которая бы въ такой степени захватывала способность анализа. Лучшій на свѣтѣ игрокъ въ шахматы *можетъ* быть мало чѣмъ болѣе, чѣмъ лучшій игрокъ въ шахматы; успѣшность же игры въ вистъ связана съ способностью къ успѣху во всѣхъ тѣхъ болѣе важныхъ предпріятіяхъ, гдѣ умъ борется съ умомъ. Когда я говорю успѣшность, я разумѣю то совершенство въ игрѣ, которое включаетъ въ себя достиженіе *всѣхъ* источниковъ, изъ коихъ законнымъ образомъ можно извлекать выгоду. Они не только многоразличны, но и многообразны, и часто скрываются въ уголкахъ ума, совершенно недоступныхъ для зауряднаго пониманія. Наблюдать внимательно, значить явственно припоминать; и въ этомъ смыслѣ сосредоточенный игрокъ въ шахматы окажется очень хорошимъ игрокомъ въ вистъ; ибо правила Гойля (сами основанныя на простомъ механизмѣ игры) достаточно и легко постижимы. Такимъ образомъ, имѣть запоминающую память и поступать по указаніямъ „книги“, это суть пункты во-

обще разсматриваемые какъ полная сумма хорошаго умѣ-
нія играть. Но способность анализа выясняется именно
въ вещахъ, лежащихъ за предѣлами простого правила.
Человѣкъ, способный къ анализу, дѣлаетъ, молча, цѣлое
множество наблюдений и выводовъ. Такъ, быть можетъ,
поступаютъ и его соучастники въ игрѣ; и различіе въ
объемѣ получаемыхъ выводовъ заключается не столько
въ доброкачественности способности выводить, сколько въ
качествѣ наблюденья. Необходимое знаніе есть знаніе
того, что нужно наблюдать. Пашъ игрокъ отнюдь не ста-
витъ себѣ ограниченій; и такъ какъ цѣлью является игра,
онъ отнюдь не отбрасываетъ выводовъ изъ вещей, игрѣ
совершенно чуждыхъ. Онъ изслѣдуетъ лицо своего парт-
нера, сравнивая его тщательно съ лицомъ каждаго изъ
противниковъ. Онъ разсматриваетъ способъ подбранія
картъ въ каждой рукѣ, часто считая козырь за козыремъ
и фигуру за фигурой, по взглядамъ, бросаемымъ на ка-
ждую карту ихъ обладателями. Онъ подмѣчаетъ каждое
измѣненіе лица по мѣрѣ того, какъ игра идетъ, накопляя
цѣлый капиталъ мысли изъ различій въ выраженіи увѣ-
ренности, удивленія, торжества, и огорченія. Изъ манеры
брать взятку онъ дѣлаетъ заключеніе, способно ли дан-
ное лицо взять новую взятку при слѣдующемъ ходѣ. Онъ
узнаетъ то, что сыграно ложнымъ маневромъ, по виду,
съ которымъ карты брошены на столъ. Случайное или
неосторожное слово, случайно упавшая или повернутая
карта, въ сопровожденіи тревожнаго или небрежнаго же-
ланія ее скрыть; считаніе взятокъ, съ порядкомъ ихъ
распредѣленія; затрудненіе, колебаніе, живость, или тре-
петный порывъ — все оставляетъ для него, на видъ инту-
итивнаго, воспріятія указанія истиннаго положенія вещей.
Когда сыграны два-три тура, онъ вполне владѣетъ при-
емами каждой руки, и засимъ играетъ своими картами
съ такой совершенною точностью замысла, какъ, если бы
остальные игроки показали свои собственныя карты лицомъ.

Аналитическая способность не должна быть смѣшиваема съ простой находчивостью; ибо, въ то время какъ человѣкъ анализирующій необходимымъ образомъ находчивъ, человѣкъ находчивый часто достопримѣчательнымъ образомъ неспособенъ къ анализу. Способность построения или сочетанія, черезъ которую обыкновенно проявляется находчивость, и которая, по мнѣнію френологовъ (полагаю, ошибочному), имѣетъ свой собственный отдѣльный органъ, при допущеніи, что это способность первичная, часто наблюдалась у тѣхъ, чей разумъ въ другихъ отношеніяхъ граничилъ съ идиотизмомъ, возбуждая всеобщее вниманіе среди писателей моралистовъ. На самомъ дѣлѣ, между находчивостью и аналитической способностью существуетъ разница гораздо большая, чѣмъ между фантазіей и воображеніемъ, но по характеру строго аналогичная. Дѣйствительно, разсматривающій это найдетъ, что человѣкъ находчивый всегда фантастиченъ, а что человѣкъ съ истиннымъ воображеніемъ никогда не есть что-нибудь иное, нежели человѣкъ анализа.

Слѣдующее повѣствованіе будетъ служить читателю какъ бы нѣкоторымъ поясненіемъ къ утвержденіямъ только что высказаннымъ.

Живя въ Парижѣ во время весны и части лѣта 18—года, я познакомился съ monsieur III. Огюстомъ Дюпенемъ. Этотъ молодой человѣкъ былъ изъ хорошей—нѣтъ, даже изъ знатной—фамиліи, но разнообразіемъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ онъ былъ приведенъ къ такой бѣдности, что энергія его характера уступила, и онъ пересталъ дѣлать какія-нибудь усилія, чтобы достигъ успѣха, или заботиться о возстановленіи своего состоянія. Благодаря любезности его кредиторовъ, въ его распоряженіи еще оставалась небольшая доля его наслѣдственнаго имѣнія, и, пользуясь чрезвычайно экономно доходомъ съ нея, онъ могъ доставлять себѣ все необходимое для жизни, не заботясь объ излишествахъ. Единственной его роскошью

были, на самомъ дѣлѣ, книги, а въ Парижѣ ихъ получать легко.

Первое наше знакомство произошло въ одной малоизвѣстной библіотекѣ на улицѣ Монмартръ, гдѣ мы были приведены къ болѣе тѣсному соприкосновенію той случайностью, что мы оба отыскивали одну и ту же весьма рѣдкую и весьма замѣчательную книгу. Мы увидѣлись другъ съ другомъ еще и еще. Я былъ чрезвычайно заинтересованъ его малой семейной исторіей, которую онъ мнѣ рассказалъ подробно, съ тѣмъ чистосердечіемъ, что составляетъ особенность Француза, когда темой разговора служитъ его собственное я. Я былъ удивленъ, кромѣ того, обширными размѣрами его начитанности; и, превыше всего, я чувствовалъ, что душа моя загорается отъ причудливаго пламени и живой свѣжести его воображенія. Ища въ Парижѣ нѣкоторыхъ предметовъ, составлявшихъ тогда предметъ моихъ алканій, я чувствовалъ, что общество такого человѣка было бы для меня неоцѣненнымъ сокровищемъ, и въ этомъ чувствѣ я чистосердечно ему признался. Въ концѣ-концовъ было условлено, что мы будемъ жить вмѣстѣ во время моего пребыванія въ этомъ городѣ; и такъ какъ мои дѣловыя обстоятельства были нѣсколько менѣе запутаны, чѣмъ его, мнѣ было возможно взять на себя расходы по содержанію и обстановкѣ при наймѣ,—въ стилѣ, соотвѣтствовавшемъ нѣсколько мрачной фантастичности нашего общаго темперамента,—изъѣденнаго временемъ и гротескнаго дома, давно заброшеннаго, благодаря суевѣріямъ, о коихъ мы не спрашивали, и находившагося въ полуразрушенномъ состояніи, въ уединенной и пустынной части Сэнъ-Жерменскаго предмѣстья.

Если бы рутина нашей жизни въ этомъ мѣстѣ была извѣстна міру, насъ бы сочли за сумасшедшихъ—хотя, быть можетъ, сумасшедшихъ безобиднаго свойства. Наша отъединенность была полная. Мы не допускали никакихъ

посѣтителей. Мѣстность нашего убѣжища тщательно со-
блюдалась въ тайнѣ отъ прежнихъ моихъ знакомыхъ; и
уже нѣсколько лѣтъ, какъ Дюпенъ пересталъ знать кого-
либо, или быть кому-либо извѣстнымъ въ Парижѣ. Мы
существовали лишь сами въ себѣ и другъ въ другѣ.

У друга моего была прихоть фантазіи (ибо какъ иначе
миѣ это назвать?) быть влюбленнымъ въ Ночь во имя ея
самой; и въ эту *причудливость*, какъ во всѣ другія его
причуды, я спокойно вовлекся, отдаваясь его безумнымъ
выдумкамъ съ полнымъ *увлеченіемъ*. Черное божество не
могло бы само по себѣ пребывать съ нами всегда; но мы
могли поддѣлать его присутствіе. При первыхъ проблес-
кахъ утренней зари, мы закрывали всѣ тяжеловѣсныя
ставни нашего стараго жилища, и зажигали двѣ свѣчи,
которыя будучи сильно надушены, бросали лишь очень
слабые и очень призрачныя лучи. При помощи ихъ, мы
послѣ этого погружали наши души въ сновидѣнія—чи-
тали, писали, или разговаривали, пока часы не возвѣ-
щали намъ пришествіе настоящей Тьмы. Тогда мы устрем-
лялись на улицу, рука объ руку, продолжая бесѣду дня,
или блуждая и уходя далеко, до поздняго часа, ища среди
дикихъ свѣтовъ и тѣней люднаго города той безконечно-
сти умственнаго возбужденія, которой не можетъ доста-
вить спокойное наблюденіе.

Въ такіе часы я не могъ не замѣчать съ восхищеніемъ
(хотя богатая идеальность моего друга должна была меня
подготовить къ этому) особой аналитической способности
въ Дюпенѣ. Повидѣмому, онъ даже извлекалъ чрезвычай-
ное наслажденіе изъ примѣненія ея—или, пожалуй, точ-
нѣе говоря, изъ ея явнаго выказыванія—и безъ колеба-
ній признавался въ извлекаемомъ, такимъ образомъ, на-
слажденія. Онъ похвалялся миѣ, съ тихимъ, хохочущимъ
смѣхомъ, что у множества людей, по отношенію къ нему,
есть окна въ груди, и такія утвержденія онъ обыкно-
венно тотчасъ подтверждалъ, прямыми и весьма поразি-

тельными, доказательствами его близкаго знанія моего собственнаго сердца. Его манера въ такія мгновенія была скована и отвлечена; въ его глазахъ отсутствовало выраженіе; въ то время какъ его голосъ, обыкновенно богатый теноръ, доходилъ до дисканта, который звучалъ-бы шаловливо, если бы не обдуманность и не полная отчетливость въ способъ выраженій. Наблюдая его въ такихъ настроеніяхъ, я часто размышлялъ о старинной философіи—Двураздѣльной Души, Души-Двойника, и забавлялся фантазіей о двойномъ Дюпенѣ—творческомъ и разрѣшающемъ.

Да не будетъ предположено изъ того, что я только что сказалъ, что я развиваю какую-нибудь тайну или начертываю романъ. То, что я описалъ въ данномъ Французѣ, было просто слѣдствіемъ возбужденнаго, и, быть можетъ, больнаго разума. Но относительно характера его замѣчаній, въ описываемый періодъ, наилучшее представленіе можетъ дать примѣръ.

Мы бродили однажды ночью вдоль по длинной, грязной улицѣ, что находится по сосѣдству съ Палэ-Ройяль. Мы были оба, повидному, погружены каждый въ свои мысли, и ни одинъ изъ насъ не произнесъ ни слова, по крайней мѣрѣ, въ теченія пятнадцати минутъ. Вдругъ Дюпенъ, совершенно неожиданно, разразился словами:

„Весьма онъ малаго роста, это правда, и болѣе былъ бы онъ на своемъ мѣстѣ въ *Théâtre des Variétés*“.

„Въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія“, отвѣтилъ я не думая, и не замѣчая сперва (настолько я былъ погруженъ въ размысленіе) необыкновенной манеры, которою говорящій согласовалъ свои слова съ моими размысленіями. Мгновеніе спустя я опомнился, и, удивленіе мое было очень сильно.

„Дюпенъ“, сказалъ я очень серьезно, „это влѣ моего пониманія. Скажу безъ колебаній, я ошеломленъ, и едва могу вѣрить своимъ чувствамъ. Какъ это было возможно,

чтобы вы знали, что я думалъ о—?“ Здѣсь я помедлилъ, чтобы удостовѣриться несомнѣнно, дѣйствительно ли онъ знаетъ, о комъ я думалъ.

— „О Шантильи“, сказалъ онъ. Зачѣмъ вы остановились!“ Вы сдѣлали про себя замѣчаніе, что его уменьшительный ростъ дѣлаетъ его неподходящимъ для трагедіи“.

Это было какъ разъ то, что составляло предметъ моихъ размышленій. Шантильи былъ *никогда* сапожникомъ-кропателемъ на улицѣ Сэнъ-Дэни п, помѣшавшись на сценѣ, испыталъ себя въ роли Ксеркса, въ такъ называемой трагедіи Кребиллона, и былъ достопримѣчательно и язвительно осмѣянь за свои пыточные старанія.

„Скажите мнѣ, ради Бога“, воскликнулъ я, „съ помощью какого метода—если тутъ есть методъ—вы были способны измѣрить мою душу въ данномъ случаѣ?“ На самомъ дѣлѣ, я былъ даже болѣе пораженъ, чѣмъ хотѣлъ это выразить.

„Это торговецъ фруктами“, отвѣтилъ мой другъ, „привелъ васъ къ заключенію, что починятель подошвъ—недостаточнаго роста для Ксеркса, и для чего-либо въ такомъ родѣ“.

„Торговецъ фруктами!—вы удивляете меня, я не знаю никакого торговца фруктами“.

„А тотъ человѣкъ, что набѣжалъ на васъ, когда мы входили въ улицу—должно быть, минутъ пятнадцать тому назадъ“. Я вспомнилъ, дѣйствительно, что торговецъ фруктами, неся на своей головѣ огромную корзинку съ яблоками, почти уронилъ меня случайно, когда мы проходили съ улицы К.—на ту главную улицу, гдѣ мы находились; но что общаго могло это имѣть съ Шантильи, я не считалъ возможнымъ уразумѣть.

Въ Дюпенѣ не было ни малѣйшей примѣси *шарлатанства*. „Я объясню“,—сказалъ онъ,—„и чтобы вы могли понять все совершенно ясно, мы сначала прослѣдимъ

ходъ вашихъ размышленій отъ того мига, о которомъ я говорилъ, до мгновенія *встрѣчи* съ упомянутымъ торговцемъ фруктамп. Главныя звенья цѣпи слѣдуютъ такимъ образомъ—Шантильи, Оріонъ, докторъ Никольсъ, Эпикуръ, Стереотомія (пресѣченіе твердыхъ тѣлъ), камни мостовой, торговецъ фруктами“.

Мало есть людей, которые бы въ тотъ или иной періодъ ихъ жизни не забавлялись тѣмъ, что пробѣгали обратнымъ ходомъ шага, коими были достигнуты особыя заключенія ихъ ума. Занятіе это часто полно интереса; и кто прибѣгнетъ къ нему впервые, тотъ будетъ удивленъ, повидимому, безграничнымъ различіемъ и безсвязностью между исходной точкой и конечной. Каково же должно было быть тогда мое изумленіе, когда я услыхалъ, что Французъ сказалъ то, что онъ только что сказалъ, и когда я не могъ не признать, что онъ сказалъ правду. Онъ продолжалъ:

„Мы говорили о лошадяхъ, если я припоминаю правильно, какъ разъ передъ тѣмъ, когда мы ушли съ улицы К.— Это было послѣдней темой нашего разговора. Когда мы переходили на эту улицу, торговецъ фруктами, съ огромной корзинкой на головѣ, быстро пройдя мимо насъ, толкнулъ васъ на кучу камней, нагроможденныхъ на томъ мѣстѣ, гдѣ передѣлываютъ мостовую. Вы наступили на одинъ изъ валяющихся обломковъ камня, поскользнулись, слегка вывихнули себѣ щиколку, казались чувствующимъ боль или раздосадованнымъ, пробормотали нѣсколько словъ, обернувшись посмотрѣли на кучу камней, и послѣ этого продолжали дорогу въ молчаніи. Я не былъ особенно внимателенъ къ тому, что вы дѣлали: но наблюденіе стало для меня, за послѣднее время, извѣстнаго рода необходимостью.

„Вы продолжали держать свои глаза устремленными на землю—смотря съ живымъ выраженіемъ на ямки и выбоины въ мостовой (такимъ образомъ, я увидѣлъ, что вы-

все еще думаете о камняхъ), пока мы не достигли маленькой улочки Ламартина, которая была вымощена въ видѣ опыта, заходящими одинъ на другой, и закрѣпленными, большими камнями. Тутъ ваше лицо прояснилось, и замѣтивъ, что ваши губы движутся, я не могъ сомнѣваться, что вы прошептали слово „стереотомія“, терминъ весьма аффективно примѣняемый къ такому разряду мостовой. Я зналъ, что вы не могли бы сказать себѣ „стереотомія“ безъ того, чтобы не подумать объ атомахъ, и затѣмъ, о теоріяхъ Эпикура; и такъ какъ недавно, когда мы говорили о данномъ предметѣ, я обратилъ ваше вниманіе на то, какъ своеобразно (хоть это мало отмѣчено) смутныя догадки этого благороднаго Грека встрѣтились съ послѣдней теоріей космогоніи изъ туманныхъ пятенъ, я почувствовалъ, что вы не могли не поднять глазъ къ великому туманному пятну Оріона, и съ увѣренностью я ждалъ, что вы такъ сдѣлаете. Вы взглянули вверхъ; и я удостовѣрился, что я правильно слѣдилъ за ходомъ вашей мысли. Но въ той язвительной *тирадѣ* относительно Шантильи, которая появилась во вчерашнемъ номерѣ „*Musée*“, сатирикъ, дѣлая непочтительные намеки на перемежную кропателью имени при надѣваніи котурновъ, цитировалъ латинскій стихъ, о которомъ мы часто говорили. И разумѣю строку —

Perdidit antiquum litera prima sonum.

Первая буква звукъ потеряла первичный.

Я говорилъ вамъ, что стихъ этотъ имѣлъ отношеніе къ Оріону, раньше писавшемуся Уріонъ, и благодаря извѣстными язвительностямъ, связаннымъ съ этимъ объясненіемъ, я былъ увѣренъ, что вы не могли его забыть. Было ясно поэтому, что вы не могли преминуть сочетать два представленія Оріона и Шантильи. Что вы ихъ сочетали, я это увидѣлъ по характеру улыбки, скользнувшей по вашимъ губамъ. Вы подумали объ умерщвленіи бѣд-

наго сапожника. До этихъ поръ вы шли сгорбившись, но тутъ я увидѣлъ, что вы выпрямились во весь вашъ ростъ. Я убѣдился тогда, что вы размышляли объ уменьшительной фигурѣ Шантильи. Въ эту минуту, я прервалъ ваше размышленіе замѣчаніемъ, что дѣйствительно *весьма* онъ малъ ростомъ, этотъ Шантильи, и что болѣе бы онъ былъ на мѣстѣ въ *Théâtre des Variétés*“.

Недолго спустя послѣ этого, мы читали вечернее изданіе „Gazette de Tribunaux“, и слѣдующіе столбцы остановили наше вниманіе.

„**Необыкновенное убійство**“ . — Сегодня утромъ, около трехъ часовъ, жители квартала Сэнь-Рокъ были разбужены цѣлымъ рядомъ ужасающихъ криковъ, исходившихъ, повидимому, изъ четвертаго этажа въ домѣ, находящемся на улицѣ Моргъ, который, какъ извѣстно, занимали madame Л’Эспанэ и ея дочь, mademoiselle Камилль Л’Эспанэ. Послѣ нѣкотораго промедленія, причиненнаго напрасной попыткой проникнуть въ квартиру обычнымъ образомъ, главная дверь была сломана ломомъ, и восемь или десять сосѣдей вошли въ сопровожденіи двухъ *жандармовъ*. Тѣмъ временемъ крики прекратились, и когда входившіе бросились на первую лѣстницу, были различимы два, или болѣе, грубые голоса въ сердитомъ спорѣ, шедшіе, казалось, изъ верхней части дома. Когда достигли второй площадки, эти звуки сразу прекратились и все стало совершенно тихо. Вошедшіе поспѣшно разсѣялись, переходя изъ комнаты въ комнату. Достигнувъ обширной задней комнаты въ четвертомъ этажѣ (дверь въ которую, будучи замкнута ключемъ изнутри, была взломана), вошедшіе увидѣли зрѣлище, поразившее каждого, не только ужасомъ, но и изумленіемъ.

Въ комнатѣ былъ самый дикій беспорядокъ, мебель была сломана и разбросана по всѣмъ направленіямъ. Тамъ была лишь одна кровать, и постель съ нея была сорвана и брошена на середину пола. На креслѣ лежала бритва,

запачканная кровью. На очагѣ были двѣ или три длинныя и густыя пряди сѣдыхъ человѣческихъ волосъ, также обрызганныя кровью, и, повидимому, вырванныя съ корнемъ. На полу лежали четыре золотыя монеты въ двадцать франковъ, серьга съ топазомъ, три большія серебряныя ложки, три меньшихъ размѣровъ ложки изъ *metal d'Alger*, и два мѣшочка, содержавшіе около четырехъ тысячъ франковъ золотомъ. Ящики одного комода въ углу были выдвинуты и, повидимому, разграблены, хотя многіе предметы были въ нихъ нетронуты. Подъ *постелью* (не подъ кроватью) былъ найденъ небольшой желѣзный сунуточекъ нетронутымъ. Онъ былъ отпертъ, ключъ находился еще въ замкѣ. Въ немъ не было ничего, кромѣ нѣсколькихъ старыхъ писемъ и другихъ незначительныхъ бумагъ.

Въ комнатахъ не было никакихъ слѣдовъ *Madame L'Эспанэ*, но въ очагѣ замѣтили необыкновенное количество сажи, была осмотрѣна дымовая труба, и (страшно сказать!) тѣло дочери, головою внизъ, было вытащено оттуда,—оно было втиснуто въ узкое отверстіе на значительное разстояніе. Тѣло было совершенно теплымъ. При изслѣдованіи его было замѣчено много ссадинъ, безъ сомнѣнія, причиненныхъ тѣмъ насиліемъ, съ которымъ тѣло было втиснуто въ каминъ и высвобождено оттуда. На лицѣ были разныя; глубокія царапины, а на горлѣ темныя кровоподтеки и глубокія вдавлины отъ ногтей, какъ если бы умершая была на смерть задушена.

„Послѣ основательнаго изслѣдованія каждой части дома, безъ какого-либо дальнѣйшаго открытія, вошедшіе направились на небольшой вымощенный дворъ, находившійся сзади зданія, гдѣ лежало тѣло старой дамы, съ горломъ настолько перерѣзаннымъ, что при попыткѣ поднять ее, голова отпала. И тѣло, и голова были страшно изуродованы, тѣло настолько, что едва сохраняло какое-либо подобіе человѣческаго.

„Къ этой чудовищной тайнѣ пока еще нѣтъ, какъ мы думаемъ, никакого ключа“.

Газета слѣдующаго дня давала такія дополненія.

„Трагедія въ улицѣ Моргъ.—Цѣлый рядъ отдѣльныхъ лицъ былъ допрошенъ въ связи съ этимъ необычайнѣйшимъ и страшнымъ дѣломъ“, (слово affaire не было еще во Франціи такимъ легковѣснымъ по смыслу, какъ оно кажется теперь намъ), „но ничего еще не обнаружилось такого, что бросало бы на него свѣтъ. Мы даемъ ниже всѣ полученные существенныя свидѣтельства.“

„Полинъ Дюбуръ, прачка, показываетъ, что она знала обѣихъ покойницъ въ теченіи трехъ лѣтъ, въ продолженіи какового періода она стирала на нихъ. Старая дама и ея дочь, казалось, находились въ добрыхъ отношеніяхъ, и были весьма заботливы одна къ другой. Платили онѣ отлично. Ничего не могла сказать касательно способа ихъ жизни, или ихъ средствъ къ существованію. Думала, что Madame Л'Эспанэ была гадалкой и этимъ жила. Говорили, что у нея были кое какія денежки. Никогда не встрѣчала въ домѣ никого, когда приносила бѣлье, или приходила взять его. Увѣрена, что у нихъ не было никакой прислуги. Какъ кажется, жилой обстановки не было ни въ какой части дома, кромѣ четвертаго этажа.“

„Пьеръ Моро, торговецъ табакомъ, показываетъ, что онъ обыкновенно поставлялъ Madame Л'Эспанэ, вотъ уже почти четыре года, небольшія количества курительнаго и нюхательнаго табаку. Родился по сосѣдству, въ данномъ кварталѣ, и жилъ здѣсь всегда. Покойница и ея дочь занимали домъ, въ которомъ найдены ихъ тѣла, уже болѣе шести лѣтъ. Раньше въ немъ жилъ ювелиръ, который верхнія комнаты отдавалъ въ наймы разнымъ лицамъ. Домъ былъ собственностью Madame Л'Эспанэ. Она была недовольна жильцомъ, который злоупотреблялъ помѣ-

щеніемъ, и переселилась въ это зданіе сама, отказываясь отдать въ наймы какую-либо его часть. Старая дама была въ состояніи младенчества. Свидѣтель видѣлъ дочь ея лишь пять или шесть разъ за эти шесть лѣтъ. Обѣ онѣ жили чрезвычайно уединенно. Говорили, что у нихъ были деньги. Слыхалъ, какъ говорили среди сосѣдей, что Madame Л'Эспанэ предсказывала судьбу, но не вѣрилъ въ это. Никогда не видалъ, чтобы кто-нибудь входилъ въ двери, кромѣ старой дамы и ея дочери; разъ только, или два, приходилъ комиссіонеръ, да восемь или десять разъ докторъ.

„Многія другія лица изъ сосѣдей дали показанія въ томъ же смыслѣ. Не упоминалось ни о комъ, кто постѣпалъ бы домъ. Было неизвѣстно, были-ли въ живыхъ какіе-нибудь родственники Madame Л'Эспанэ и ея дочери. Ставни оконъ на передней части дома рѣдко открывались. Ставни задней части дома всегда были закрыты, кромѣ большой задней комнаты, на четвертомъ этажѣ. Домъ—хорошій, не очень старій.

„*Исидоръ Мюзэ*, жандармъ, показываетъ, что онъ былъ позванъ въ домъ около трехъ часовъ утра, и увидѣлъ, что человекъ двадцать или тридцать на улицѣ стараются проникнуть въ домъ. Онъ наконецъ взломалъ дверь—не ломомъ, а штыкомъ. Сдѣлать это ему не представлялось затруднительнымъ, благодаря тому, что двери были двустворчатыя, и ни сверху, ни снизу не былъ задвинутъ засовъ. Крики продолжались, пока дверь не была взломана, и тогда внезапно прекратились. Казалось, что то были пронзительные крики кого-то (или нѣсколькихъ), кто находился въ великой пылкѣ, они были громкіе и протяжные, а не короткіе и быстрые. Свидѣтель первый взшелъ на лѣстницу. Достигнувъ первой площадки, онъ услышалъ два голоса, въ громкомъ и гнѣвномъ спорѣ—одинъ голосъ грубый, другой—гораздо пронзительнѣе—очень странный голосъ. Онъ могъ различить нѣсколько словъ, сказанныхъ

первымъ голосомъ, который былъ голосомъ какого-то Француза. Вполнѣ убѣжденъ, что это былъ не женскій голосъ. Могъ различить слова „*sacré*“ и „*diable*“, „*чортъ*“ и „*дьяволъ*“. Пронзительный голосъ принадлежалъ какому-то иностранцу. Не могъ бы сказать съ увѣренностью, былъ ли то голосъ мужчины или женщины. Не могъ разобратъ, что говорилось, но думаетъ, что языкъ былъ Испанскій. Въ какомъ состояніи находилась комната и въ какомъ состояніи были тѣла, это было описано даннымъ свидѣтелемъ такъ, какъ мы рассказали вчера.

„*Ари Дюваль*, сосѣдъ, и по ремеслу серебряникъ, показываетъ, что онъ былъ однимъ изъ тѣхъ, которые первымъ вошли въ домъ. Подтверждаетъ свидѣтельство Мюзэ въ главномъ. Какъ только дверь была взломана, они снова притворили ее, чтобы удерживать толпу, которая собиралась очень быстро, несмотря на поздній часъ ночи. Пронзительный голосъ, какъ думаетъ этотъ свидѣтель, принадлежалъ какому-нибудь Итальянцу. Увѣренъ, что это былъ не Французъ. Не могъ бы съ увѣренностью сказать, что это былъ мужской голосъ. Онъ могъ быть и женскимъ. Не знаетъ Итальянскаго языка. Не могъ различить словъ, но судя по интонаціи, убѣжденъ, что говорившій былъ Итальянецъ. Зналъ *Madame Л'Эспань* и ея дочь. Часто разговаривалъ съ обѣими. Увѣренъ, что пронзительный голосъ не принадлежалъ ни той, ни другой покойницѣ.

„— *Оденгеймеръ*, рестораторъ. Этотъ свидѣтель по собственной волѣ даетъ показанія. Не говоритъ по-Французски, и потому былъ допрошенъ черезъ переводчика. Родомъ изъ Амстердама. Проходилъ мимо дома въ то время, когда тамъ были крики. Они длились нѣсколько минутъ — вѣроятно минутъ десять. Крики были долгіе и громкіе — очень страшные и мучительные. Былъ однимъ изъ тѣхъ, кто вошелъ въ зданіе. Подтвердилъ предъидущія показанія во всѣхъ отношеніяхъ, кромѣ одного. Увѣренъ, что пронзительный голосъ — мужской — и принадлежитъ Французу.

Не могъ различить произносимыхъ словъ. Они были громкія и быстрыя—неровныя—говорились, повидимому, какъ въ страхѣ, такъ и въ гнѣвѣ. Голосъ былъ рѣзкій. Не могъ-бы сказать, что голосъ былъ пронзительный. Грубый голосъ сказалъ нѣсколько разъ „*sacré*“, „*diable*“, и однажды „*mon Dieu*“, „*ортъ*“, „*дьяволъ*“, и однажды „*Боже мой*“.

„*Жюль Миньо*, банкиръ, фирмы Миньо и Сынъ, rue Deloigne.—Миньо Старшій. У Madame Л'Эспанэ была нѣкоторая собственность. Онъ ей открылъ счетъ въ своемъ банкѣ, весною такого-то года--(восемь лѣтъ тому назадъ). Дѣлала частые вклады малыми суммами. Не предъявляла никакихъ чековъ до двухъ дней съ половиной передъ смертью, когда самолично взяла сумму въ 4000 франковъ. Эта сумма была уплачена золотомъ, и съ деньгами былъ посланъ на домъ клеркъ.

„*Адольфъ Лебонъ*, клеркъ въ домѣ Миньо и Сынъ, показываетъ, что въ упомянутый день, около полудня, онъ провожалъ Madame Л'Эспанэ въ ея жилище, съ четырьмя тысячами франковъ, положенными въ два мѣшочка. Когда дверь была открыта, появилась Mademoiselle Л'Эспанэ и взяла изъ рукъ у него одинъ мѣшочекъ, между тѣмъ какъ старая дама освободила его отъ другого. Онъ поклонился имъ тогда и отбылъ. Не видалъ кого-бы то ни было на улицѣ въ это время. Это глухой закоулокъ—очень уединенный“.

„*Уильямъ Вёрдъ*, портной, показываетъ, что онъ былъ однимъ изъ тѣхъ, которые вошли въ домъ. Онъ Англичанинъ. Жилъ въ Парижѣ два года. Былъ однимъ изъ первыхъ, кто вошелъ на лѣстницу. Слышалъ спорящіе голоса. Грубый голосъ принадлежалъ Французу. Могъ разобрать нѣсколько словъ, но не можетъ сейчасъ всѣ ихъ припомнить. Слышалъ ясно „*sacré*“ и „*mon Dieu*“. Въ этотъ мигъ былъ такой звукъ, какъ будто боролось нѣсколько человѣкъ. Звукъ схватки и скребущаго шарканья ногами.

Пронзительный голосъ былъ очень громокъ; громче, чѣмъ грубый. Увѣренъ, что это не былъ голосъ Англичанина. По видимости, это былъ голосъ Нѣмца. Это могъ быть женскій голосъ. Не понимаетъ по-Нѣмецки“.

„Четверо изъ вышеназванныхъ свидѣтелей, вторично допрошенные, показали, что дверь комнаты, въ которой было найдено тѣло Mademoiselle Л'Эспанэ, была заперта изнутри, когда вошедшіе достигли ея. Тишина была полная—ни стоновъ, ни какихъ-либо шумовъ. Когда дверь была взломана, они не увидѣли никого. Окна, какъ задней, такъ и передней комнаты, были закрыты и плотно заперты изнутри. Дверь, соединяющая обѣ комнаты, была закрыта, но не заперта. Дверь, ведущая изъ передней комнаты въ коридоръ, была заперта ключомъ изнутри. Небольшая комната, въ передней части дома, на четвертомъ этажѣ, при входѣ въ коридоръ, была открыта и дверь была приотворена. Эта комната была загромождена старыми постелями, ящиками, и т. п. Предметы эти были тщательно отодвинуты и осмотрѣны. Не было ни одного дюйма въ какой-либо части дома, который не былъ-бы тщательно обысканъ. Каминныя трубы были прочищены сверху до низу. Домъ былъ четырехъэтажный, съ чердаками (*мансардами*), опуская дверь на крышѣ была забита гвоздями очень основательно—я, повидимому, не открывалась въ теченіи цѣлаго ряда лѣтъ. Время между звукомъ спорящихъ голосовъ и взломомъ двери было установлено свидѣтелями различно. По словамъ нѣкоторыхъ оно длилось лишь три минуты, по словамъ другихъ—пять. Дверь была открыта съ трудомъ“.

„*Альфонсо Гарсіо*, предприниматель похоронныхъ процессій, показываетъ, что онъ живетъ въ улицѣ Моргъ. Родомъ изъ Испаніи. Былъ однимъ изъ тѣхъ, которые вошли въ домъ. Не поднимался на лѣстницу. Первенъ и боялся послѣдствій волненія. Слышалъ голоса въ спорѣ. Грубый голосъ принадлежалъ Французу. Не могъ разли-

чить, что говорилось. Пронзительный голос принадлежалъ Англичанину — увѣренъ въ томъ. Не знаетъ Англійскаго языка, но судить по интонаціи.

„*Альберто Монтани*, кондитеръ, показываетъ, что онъ былъ среди первыхъ, вошедшихъ на лѣстницу. Слышалъ упомянутые голоса. Грубый голосъ принадлежалъ Французу. Различилъ нѣсколько словъ. Говорившій, повидимому, укорялъ. Не могъ разобрать отдѣльныхъ словъ, произносимыхъ пронзительнымъ голосомъ. Этотъ голосъ говорилъ быстро и неровно. Думаетъ, что это былъ голосъ Русскаго. Подтверждаетъ общія свидѣтельства. Самъ—Итальянецъ. Никогда не разговаривалъ ни съ какимъ уроженцемъ Россіи.

„Нѣкоторые свидѣтели, вторично допрошенные, засвидѣтельствовали, что каминныя трубы во всѣхъ комнатахъ четвертаго этажа слишкомъ узки, чтобы дать проходъ какому-нибудь человѣческому существу. Говоря о чисткѣ трубъ, они разумѣли не трубочистовъ, а цилиндрическія метущія щетки, которыя употребляются трубочистами при чисткѣ каминовъ. Эти щетки были пропущены вверхъ и внизъ по всѣмъ дымовымъ трубамъ въ домъ. Въ зданіи нѣтъ никакой задней лѣстницы, по которой бы кто-нибудь могъ спуститься, въ то время какъ входившіе поднимались по лѣстницѣ. Тѣло *Mademoiselle Л'Эспане* было такъ плотно втиснуто въ каминную трубу, что его не могли вытащить назадъ, пока четверо или пятеро изъ пришедшихъ не примѣнили всю свою силу.

„*Поль Дюма*, врачъ, показываетъ, что онъ былъ призванъ осмотрѣть тѣла на разсвѣтѣ дня. Оба тѣла лежали на парусинѣ, натянутой на станкѣ кровати, въ комнатѣ, гдѣ была найдена *Mademoiselle Л'Эспане*. Тѣло молодой дамы было сплошь покрыто кровоподтеками и ссадинами. Тотъ фактъ, что оно было втиснуто въ каминную трубу, могъ бы служить достаточнымъ объясненіемъ такому виду тѣла. Горло было сильно воспалено. На немъ было

нѣсколько глубокихъ царапинъ какъ разъ подъ подбородкомъ, вмѣстѣ съ цѣлымъ рядомъ синихъ пятенъ, которыя были, очевидно, слѣдами вдавливанія пальцевъ. Лицо было страшно измѣнено въ цвѣтѣ, и глазные яблоки выступили наружу. Языкъ былъ частью прокушенъ. Большой кровоподтекъ былъ открытъ въ углубленіи желудка, полученный, повидимому, отъ надавленія колѣномъ. По мнѣнію Monsieur Дюма, Mademoiselle Л'Эспане была задушена насмерть, кѣмъ-то неизвѣстнымъ, или нѣсколькими неизвѣстными. Тѣло матери было чудовищно изуродовано. Всѣ кости правой ноги и руки были, болѣе или менѣе, сломаны. Берцовая кость лѣвой ноги была весьма расщеплена, такъ же какъ всѣ ребра на лѣвой сторонѣ. Все тѣло было въ страшныхъ кровоподтекахъ и пятнахъ. Невозможно сказать, какимъ образомъ могли быть причинены такія поврежденія. Тяжелая дубина, или широкая полоса желѣза—кресло—какое-либо большое, тяжелое, и тупое оружіе могло произвести подобные результаты, если бы оно находилось въ рукахъ очень сильнаго человѣка. Никакая женщина не могла бы причинить такихъ ударовъ какимъ-либо орудіемъ. Голова умершей, когда ее увидѣлъ свидѣтель, была совершенно отдѣлена отъ тѣла, и также, въ значительной степени, была раздроблена. Горло было, очевидно, перерѣзано какимъ-нибудь очень острымъ инструментомъ, вѣроятно, бритвой.

„Александръ Этьенъ, хирургъ, былъ призванъ осмотрѣть тѣла вмѣстѣ съ Monsieur Дюма. Подтвердилъ свидѣтельство и мнѣнія Monsieur Дюма.

„Ничего важнаго болѣе не было выяснено, хотя было допрошено еще нѣсколько другихъ лицъ. Убіиства, такого таинственнаго, и такого смутительнаго во всѣхъ своихъ частностяхъ, никогда раньше не совершалось въ Парижѣ — если, вообще, какое-либо убійство было, въ дѣйствительности, здѣсь совершено. Полиція была въ полнѣйшемъ недоумѣніи — обычное обстоятельство въ дѣ-

дахъ такого рода. Нѣтъ, надо сказать, ни намека на какую-либо разгадку“.

Вечерняя газета подтвердила, что величайшее волненіе продолжаетъ царить въ кварталѣ Сэнтъ-Рокъ, — что помѣщенія упомянутого дома снова были тщательно обысканы, и были сдѣланы новые допросы свидѣтелей, но всё безъ какого-либо результата. Постъ-скриптумъ возвѣщалъ, однако, что Адольфъ Лебонъ былъ арестованъ и заключенъ въ тюрьму — хотя противъ него не было, повидимому, никакихъ обвиняющихъ указаній, кромѣ фактовъ уже описанныхъ.

Дюпень, казалось, былъ особенно заинтересованъ ходомъ этого дѣла — по крайней мѣрѣ, такъ я рѣшилъ по его манерѣ, ибо онъ не дѣлалъ никакихъ поясненій. Лишь послѣ того какъ было возвѣщено, что Лебонъ заключенъ въ тюрьму, онъ спросилъ меня, что я думаю касательно убійства.

Я могъ лишь согласоваться со всѣмъ Парижемъ, полагая, что тайна неразрѣшима. Я не видѣлъ никакихъ средствъ, съ помощью которыхъ было бы возможно прослѣдить убійцу.

„Мы не должны судить о средствахъ,“ сказалъ Дюпень, по этой шелухѣ изслѣдованія. Парижская полиція, столь прославленная за *тонкое пониманіе*, хитра, но не болѣе. Въ приемахъ ея нѣтъ метода, кромѣ метода мгновенія. Она дѣлаетъ обширный парадъ мѣрѣ; но, нерѣдко, они такъ дурно приспособлены къ назначенной цѣли, что напоминаютъ Monsieur Журдена, спрашивающаго *sa robe de chambre pour mieux entendre la musique*, свой халатъ, чтобы лучше слышать музыку. Получаемые результаты нерѣдко удивительны, но, по большей части, они являются слѣдствіемъ простаго прилежанія и расторопности. Когда этихъ качествъ недостаточно, ея планы рушатся. Видокъ, напримѣръ, былъ превосходный угадчикъ, и человѣкъ упорный. Но, безъ воспитанной мысли,

онъ постоянно былъ вводимъ въ заблужденіе, именно напряженностью своихъ разслѣдованій. Онъ наносилъ ущербъ своему зрѣнію тѣмъ, что держалъ предметъ слишкомъ близко. Онъ могъ видѣть, быть можетъ, одинъ пунктъ, или два пункта, съ необыкновенной ясностью, но, дѣлая такъ, онъ, по необходимости, терялъ общій видъ разсматриваемаго. Тутъ нѣчто есть, что можетъ быть названо — быть слишкомъ глубокимъ. Истина не всегда находится въ колодецѣ. На самомъ дѣлѣ, что касается знанія наиболѣе важнаго, я полагаю, что истина находится неизмѣнно на поверхности. Не въ долахъ она, гдѣ мы ее ищемъ, а находится на горныхъ вершинахъ. Способы и источники такого рода ошибки превосходно типизируются въ созерцаніи небесныхъ тѣлъ. Смотрѣть на звѣзду бѣглымъ взглядомъ — созерцать ее косвеннымъ образомъ, поворачивая къ ней внѣшнія части *сетчатки* (болѣе чувствительныя къ слабымъ воспріятіямъ свѣта, нежели части внутреннія), это значить, видѣть звѣзду явственно — это значить имѣть наилучшую одѣнку ея блеска — блеска, который затуманивается какъ разъ въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, что мы *цѣликомъ* устремляемъ на нее наше зрѣніе. На глазъ, въ послѣднемъ случаѣ, дѣйствительно, падаетъ большее число лучей, но въ первомъ случаѣ существуетъ болѣе утонченная способность воспріятія. Пенадлежащей глубиной мы дѣлаемъ мысль смутной и ослабленной; и даже Венеру можно заставить исчезнуть съ небосвода разсмотрѣніемъ слишкомъ длительнымъ, слишкомъ сосредоточеннымъ, или слишкомъ прямымъ.

„Что до этого убійства, сдѣлаемъ нѣкоторое разсмотрѣніе сами, прежде чѣмъ составлять о немъ какое-либо мнѣніе. Слѣдствіе насъ позабавитъ“ (я нашель, въ данномъ случаѣ, этотъ терминъ довольно страннымъ, но не сказалъ ничего), „и, кромѣ того, Лебонъ однажды оказалъ мнѣ услугу, за которую я ему не буду неблагодаренъ. Мы пойдемъ и посмотримъ помѣщенія дома нашими

собственными глазами. Съ Префектомъ Полиціи Ж., я знакомъ, и получу необходимое разрѣшеніе безъ затрудненій.“

Разрѣшеніе было получено, и мы тотчасъ отправились на улицу Моргъ. Это одна изъ тѣхъ жалостныхъ улочекъ, которыя соединяютъ улицу Ришелье и улицу Сэнъ-Рокъ. Было поздно пополудни, когда мы достигли ея, ибо этотъ кварталъ находится на большомъ разстояніи отъ того квартала, въ которомъ мы жили. Домъ былъ быстро найденъ, такъ какъ около него еще стояли разные люди и смотрѣли на закрытыя ставни съ безпредметнымъ любопытствомъ, съ противоположной стороны улицы. Это былъ обыкновенный Парижскій домъ, съ воротами, на одной сторонѣ которыхъ была будка съ выдвигаемымъ оконцемъ, указывающая на *ложу консьержа*. Прежде чѣмъ войти, мы пошли дальше по улицѣ, повернули въ боковой переулокъ, и потомъ, снова повернувъ, прошли мимо задней части дома — Дюпенъ, тѣмъ временемъ, осматривалъ все по сосѣдству, такъ же какъ домъ, съ той подробной тщательностью вниманія, для которой я не усматривалъ никакого надлежащаго предмета. Вернувшись назадъ, мы снова пришли къ передней части зданія, позвонили и, показавъ наше разрѣшеніе, были впущены полицейскими. Мы вошли на лѣстницу — въ комнату, гдѣ было найдено тѣло Mademoiselle Л'Эспанз, и гдѣ еще находилась обѣ покойницы. Въ комнатѣ, какъ обычно въ этихъ случаяхъ, было предоставлено царить первичному беспорядку. Я не увидѣлъ ничего, кромѣ того, что было описано въ „Gazette de Tribunaux“. Дюпенъ подробно осматривалъ рѣшительно все — не исключая тѣлъ жертвъ. Затѣмъ мы пошли въ другія комнаты и на дворъ; одинъ жандармъ сопровождалъ насъ всюду. Мы были заняты осмотромъ, до того какъ стемнѣло, и послѣ этого отправились назадъ. По дорогѣ домой мой товарищъ остановился на минутку около конторы одной изъ ежедневныхъ газетъ.

Я сказалъ, что причуды моего друга были многообразны, и я ихъ *менажировалъ*—для этого слова нѣтъ равноцѣннаго на Англійскомъ языкѣ. Ему теперь пришло въ голову отклонить всякій разговоръ объ убійствѣ до полдня слѣдующаго дня. Затѣмъ онъ спросилъ меня внезапно, не замѣтилъ ли я чего-нибудь *особеннаго* на мѣстѣ преступленія. Было что-то въ его манерѣ, съ какою онъ сдѣлалъ удареніе на словѣ „особенный“, что заставило меня вздрогнуть, не знаю почему.

„Нѣтъ, ничего *особеннаго*“, сказалъ я, „ничего болѣе, по крайней мѣрѣ, кромѣ того, что мы оба уже видѣли описаннымъ въ газетѣ“.

„Газета“, продолжалъ онъ, „боюсь не проникла въ необычный ужасъ дѣла. Но отбросимъ праздна мнѣнія этой печатной бумаги. Мнѣ представляется, что эта тайна считается неразрѣшимой на томъ самомъ основаніи, которое должно было бы заставить считать ее легкой для разрѣшенія—я разумѣю *чрезвычайный* характеръ отличительныхъ ея чертъ. Полиція смущена кажущимся отсутствіемъ побудительной причины — не самаго убійства, но жестокости убійства. Она озадачена, кромѣ того, кажущейся невозможностью примарить спорящіе голоса съ тѣмъ фактомъ, что наверху никого не было найдено, кромѣ убитой Mademoiselle Л'Эспанэ, и что не было никакой возможности выйти, безъ того, чтобы не быть увидѣннымъ тѣми, кто поднимался по лѣстницѣ. Дикій безпорядокъ въ комнатѣ; тѣло втиснутое головою внизъ въ каминную трубу; страшное пзуродованіе тѣла старой дамы; эти соображенія, вмѣстѣ съ только что упомянутыми, и другими, о которыхъ нѣтъ надобности упоминать, оказались недостаточными, чтобы парализовать дѣйствія властей, и совершенно поставить втупикъ хваленую *тонкость пониманія* правительственныхъ агентовъ. Они впали въ грубую, но обычную ошибку, смѣшавъ необыкновенное съ отвлеченнымъ. Но именно,

слѣдую за такими отклоненіями отъ плана обычнаго, разумъ ощупываетъ свою дорогу, если онъ находитъ ее вообще, въ своихъ поискахъ истины. Въ изысканіяхъ такихъ, какія предприняты нами нынѣ, не столь важно спрашивать „что случилось“, какъ „что случилось изъ того, что никогда не случалось раньше“. На самомъ дѣлѣ, легкость, съ которой я достигну, или уже достигъ, разрѣшенія этой тайны, находится въ прямомъ соотношеніи, съ кажущейся глазамъ полиціи, видимой ея неразрѣшимостью“.

Я пристально посмотрѣлъ на говорившаго съ нѣмымъ изумленіемъ.

„Я жду теперь“, продолжалъ онъ, смотря на дверь нашей комнаты, „я жду теперь нѣкоего человѣка, который, хотя, быть можетъ, и не будучи свершителемъ этихъ звѣрствъ, долженъ быть, въ нѣкоторой мѣрѣ, запутанъ въ ихъ свершеніи. Въ худшей части совершенныхъ преступленій, вѣроятно, онъ неповиненъ. Надѣюсь, что я правъ въ этомъ предположеніи, ибо на этомъ я строю все мое чаяніе расшифровать загадку цѣликомъ. Я жду нѣ котораго человѣка, здѣсь, въ этой комнатѣ, каждую минуту. Это вѣрно, что онъ можетъ не придти; но вѣроятіе гласитъ за то, что онъ придетъ. Если онъ придетъ, необходимо его удержать. Вотъ пистолеты; мы оба знаемъ, какъ ими пользоваться, ежели случай требуетъ ихъ примененія“.

Я взялъ пистолеты, мало разумѣя, почему я это сдѣлалъ, и едва вѣря своимъ ушамъ, между тѣмъ какъ Дюпенъ продолжалъ, точно бы бесѣдуя съ самимъ собой. Я уже говорилъ объ его отвлеченной разсѣянной манерѣ въ такія минуты. Его рѣчь была обращена ко мнѣ; но его голосъ, хотя отнюдь не громкій, отличался той интонаціей, которую обыкновенно употребляютъ, когда говорить съ кѣмъ-нибудь, находящемся на далекомъ разстояніи. Его глаза, лишенные выраженія, глядѣли лишь на стѣну.

„Что голоса въ спорѣ, сказалъ онъ, услышанные тѣми, кто входилъ по лѣстницѣ, не были голосами самихъ женщинъ, вполне доказано свидѣтелями. Это освобождаетъ насъ отъ всякаго сомнѣнія касательно вопроса, не могла ли старая дама сперва убить свою дочь и потомъ совершить самоубійство. Я говорю объ этомъ пунктѣ, главнымъ образомъ, во имя метода, ибо сила М-ше Л'Эспанэ была бы крайне недостаточной, чтобы втиснуть тѣло дочери въ каминную трубу, какъ оно было найдено, и самое свойство ранъ, найденныхъ на ея тѣлѣ, цѣликомъ исключаетъ мысль о ея самоуничтоженіи. Убійство, такимъ образомъ, было совершено кѣмъ-то третьимъ; и голоса этихъ третьихъ были слышны спорящими. Позвольте мнѣ теперь обратить ваше вниманіе, не на все свидѣтельство касательно этихъ голосовъ, но на то, что было *особеннаго* въ этомъ свидѣтельствѣ. Не замѣтили ли вы здѣсь чего-нибудь особеннаго?“

Я указалъ, что, въ то время какъ всѣ свидѣтели согласовались въ предположеніи, что грубый голосъ принадлежалъ Французу, было много разногласія касательно пронзительнаго, или, какъ опредѣлилъ одинъ свидѣтель, рѣзкаго голоса.

„Въ этомъ заключается самое свидѣтельство“, сказала Дюпенъ, „но это не составляетъ особенности свидѣтельства. Вы не замѣтили ничего отличительнаго. Однако же тутъ *было* нѣчто для наблюденія. Свидѣтели, какъ вы видите, согласуются касательно грубаго голоса; они были въ этомъ единогласны. Но касательно пронзительнаго голоса, особенность состоитъ—не въ томъ, что свидѣтели разнствуютъ—а въ томъ, что, когда какой-нибудь Итальянецъ, Англичанинъ, Испанецъ, Голландецъ и Французъ пытаются описать его, каждый говоритъ о немъ какъ о голосѣ *чужеземца*. Каждый увѣренъ, что это не былъ голосъ кого-либо изъ его земляковъ. Каждый сравниваетъ его—не съ голосомъ представителя какой-нибудь народности, языкъ которой

ему вѣдомъ—но наоборотъ. Французъ предполагаетъ, что это голосъ Испанца, и „могъ бы различить нѣкоторые слова, если бы онъ понималъ Испанскій языкъ“. Голландецъ утверждаетъ, что это былъ голосъ Француза; но мы видимъ сообщеніе, что „не понимая по Французски, свидѣтель былъ допрошенъ черезъ переводчика“. Англичанинъ думаетъ, что это голосъ Нѣмца, но „онъ не знаетъ Нѣмецкаго языка“. Испанецъ, „увѣренъ“, что это былъ голосъ Англичанина, но „судить лишь по интонаціи, такъ какъ Англійскаго языка не знаетъ“. Итальянецъ полагаетъ, что это голосъ Русскаго, но „онъ никогда не разговаривалъ съ какимъ-либо уроженцемъ Россіи“. Другой Французъ разиствуется, кромѣ того, съ первымъ, и увѣренъ, что это былъ голосъ Итальянца; но, не зная этого языка, онъ, какъ и Испанецъ, „судить по интонаціи“. Итакъ, сколь же необычно страненъ долженъ былъ быть въ дѣйствительности этотъ голосъ, если относительно него могли быть собраны такія свидѣтельства! Голосъ, въ тонахъ котораго, обитатели пяти великихъ дѣлений Европы не могли признать ничего имъ знакомаго! Вы скажете, что это могъ быть голосъ Азіата—или Африканца. Ни Азіаты, ни Африканцы не изобилуютъ въ Парижѣ; но, не отрицая указанія, я хочу только обратить ваше вниманіе на три пункта. Голосъ, какъ опредѣлилъ одинъ свидѣтель, „былъ скорѣе рѣзкій, чѣмъ пронзительный“. Онъ былъ, какъ его изображаютъ два другіе свидѣтеля, быстрый и неровный. Никакихъ словъ—никакихъ звуковъ, похожихъ на слова, ни одинъ свидѣтель не различилъ.

„Я не знаю“, продолжалъ Дюпень, „какое впечатлѣніе, до сихъ поръ, я могъ оказать на ваше пониманіе, но я не колеблясь скажу, что законные выводы даже изъ этой части свидѣтельства—части, касающейся грубаго голоса и пронзительнаго голоса—сами по себѣ достаточны, чтобы породить подозрѣніе, которое должно было бы дать направленіе всему дальнѣйшему ходу въ разслѣдо-

ваніи тайны. Я сказалъ „законные выводы“, но этимъ не вполне выразилъ свое мнѣніе. Я хотѣлъ указать, что такіе выводы суть *единственно* надлежащіе, и что изъ нихъ, какъ особый результатъ, *неизбѣжно* возникаетъ нѣкоторое подозрѣніе. Что это за подозрѣніе, я однакоже пока еще не скажу. Я только хочу закрѣпить въ вашемъ умѣ, что для меня оно является таковымъ, что, достаточнымъ образомъ, вынуждаетъ меня придать законченную форму — опредѣленное направленіе — вниманію — при моемъ изслѣдованіи комнаты.

Перенесемтесь теперь въ воображеніи въ эту комнату. Чего прежде всего мы будемъ тамъ искать? Тѣхъ средствъ, съ помощью которыхъ убійцы ускользнули. Не слишкомъ много сказать, что никто изъ насъ обоихъ не вѣритъ въ сверхъ естественное событіе. Madame и Mademoiselle Л'Эспанэ не духами были убиты. Сверхители дѣянія были существами вещественными и ускользнули вещественнымъ образомъ. Какимъ же именно образомъ? Къ счастью, относительно даннаго пункта есть лишь одинъ способъ размышленія, и этотъ способъ *долженъ* привести насъ къ опредѣленному рѣшенію. Разслѣдуемъ, по отдѣльности, возможные средства ускользнуть. Ясно, что убійцы были въ комнатѣ, гдѣ была найдена Mademoiselle Л'Эспанэ, или, по крайней мѣрѣ, въ комнатѣ къ ней прилегающей, когда вошедшіе поднимались по лѣстницѣ. Такимъ образомъ, лишь въ этихъ двухъ комнатахъ мы должны искать выходовъ. Полиція вскрыла полы, потолки, и стѣны, во всѣхъ направленіяхъ. Никакіе *тайные* выходы не могли бы ускользнуть отъ ея бдительности. Но не довѣряясь ея глазамъ, я осмотрѣлъ все мои собственными. Тайныхъ выходовъ, на самомъ дѣлѣ, *нѣтъ*. Обѣ двери, ведущія изъ комнатъ въ коридоръ, были достоверно заперты, и ключи были вставлены изнутри. Обратимся къ каменнымъ трубамъ. Эти послѣднія, хотя обыкновенно въ восемь или въ десять футовъ ширины надъ очагами, не

пропустить въ дальнѣйшемъ восхожденіи даже тѣла сколько-нибудь крупной кошки. Невозможностью ускользнуть указаннымъ путемъ, такимъ образомъ, безусловно установленной, мы приведены къ окнамъ. Черезъ окна передней комнаты никто не могъ бы бѣжать, не обративъ на себя вниманіе толпы, находившейся на улицѣ. Убійцы *должны* были, такимъ образомъ, бѣжать черезъ окна задней комнаты. Теперь, приведенные къ такому заключенію столь недвусмысленнымъ образомъ, мы не можемъ, какъ размышляющіе, отбросить этотъ способъ, по причинѣ кажущейся его невозможности. Намъ остается лишь доказать, что эта кажущаяся „невозможность“ въ дѣйствительности не такова.

„Въ комнатѣ два окна. Одно изъ нихъ не загромождено мебелью, и видно цѣлкомъ. Нижняя часть другого окна скрыта изголовьемъ тяжелой кровати, приставленной къ ней вплотъ. Первое окно, какъ было найдено, было плотно заперто изнутри. Оно оказывало сопротивленіе крайнему напряженію силы тѣхъ, которые пытались его поднять. Въ оконницѣ второго было усмотрѣно большое пробуравленное отверстіе, и въ него былъ вдвинутъ очень толстый гвоздь, почти до головки. При изслѣдованіи другого окна въ него былъ найденъ вогнаннымъ подобный же гвоздь; и весьма сильная попытка поднять эту раму также не удалась. Полиція послѣ этого вполне удовольствовалась заключеніемъ, что бѣгство не совершилось въ данномъ направленіи. И, *поэтому*, было сочтено излишнимъ вытащить гвозди и открыть окна.

„Мое собственное разслѣдованіе было нѣсколько болѣе подробно, и это по причинѣ, на которую я уже указалъ— пбо здѣсь, я зналъ, всякая видимая невозможность *должна* была быть доказана, какъ таковая, не существующею.

„Я продолжалъ думать такъ—*a posteriori*. Убійцы *свершили* свое исчезновеніе черезъ одно изъ этихъ оконъ.

Разъ это такъ, они не могли бы снова закрѣпить оконницы изнутри, какъ они были найдены закрѣпленными—соображеніе, очевидностью своей положившее конецъ разслѣдованіямъ полиціи въ данной области. Однако, оконницы *были* закрѣплены. Они тогда *должны* были имѣть способность закрѣпляться сами. Отъ такого заключенія никакъ не уйти. Я шагнулъ къ незагроможденному окну, высвободилъ съ нѣкоторымъ затрудненіемъ гвоздь, и попытался поднять раму. Она воспротивилась всѣмъ моимъ усилямъ, какъ я и предполагалъ. Я зналъ теперь, что тутъ должна была существовать скрытая пружина; и это подтвержденіе моей мысли убѣдило меня, что мои послышки были, по крайней мѣрѣ, правильны, какъ бы ни таинственны казались обстоятельства относительно гвоздей. Тщательное разслѣдованіе вскорѣ указало мнѣ тайную пружину. Я нажалъ на нее и, удовлетворенный открытіемъ, воздержался и не поднималъ раму.

„Я вставилъ гвоздь на прежнее мѣсто и посмотрѣлъ на него внимательно. Тотъ, кто прошелъ бы черезъ это окно, могъ бы снова закрыть его, и пружина была бы закрѣплена; но гвоздь не могъ бы быть помѣщенъ на прежнее мѣсто. Заключение было ясно, и снова суживало поле моихъ изслѣдованій. Убийцы *должны* были бѣжать черезъ другое окно. Предполагая затѣмъ, что пружины на каждой оконницѣ тѣ же самыя, какъ это было вѣроятно, *должно* было найти разницу между гвоздями или, по крайней мѣрѣ, между способами ихъ закрѣпленія. Взобравшись на кровать, я заглянулъ черезъ изголовье и тщательно осмотрѣлъ вторую оконницу. Проведя рукой внизъ по дереву, я быстро нашелъ и нажалъ пружину, которая, какъ я предполагалъ, была по характеру тождественна съ другой. Я посмотрѣлъ теперь на гвоздь. Онъ былъ толстъ, какъ и другой и, повидимости, закрѣпленъ такимъ же образомъ, будучи вогнанъ почти до головки“.

„Вы скажете, что я былъ озадаченъ; но, если вы такъ ду-

масте, вы, значить, не поняли самой правды моихъ наведеній. Пользуясь спортивнымъ выраженіемъ, я ни разу не сдѣлалъ „промаха“. Чутье по горячему слѣду не было потеряно ни на мгновеніе. Во всей цѣпи, среди звеньевъ, не было ни одного пробѣла. Я прослѣдывалъ тайну до конечнаго ея предѣла; этимъ предѣломъ былъ *гвоздь*. Онъ, какъ говорю я, во всѣхъ отношеніяхъ имѣлъ ту же видимость, что и его сотоварищъ въ другомъ окнѣ; но этотъ фактъ былъ совершенно нулевымъ (какъ бы онъ, повидимому, ни былъ убѣдительнъ), если поставить его въ связь съ соображеніемъ, что въ данномъ пунктѣ и кончалось указующее начало. Съ этимъ гвоздемъ, сказала я, *должно* быть что-вибудь неладное. Я прикоснулся къ нему, и головка его, вмѣстѣ съ четверью дюйма его стержня, осталась у меня, въ рукѣ. Остальная часть стержня была въ пробуровленномъ отверстіи, гдѣ она обломилась. Этотъ переломъ былъ старый (пбо края его были подернуты ржавчиной), и, повидимому, здѣсь былъ произведенъ ударъ молотка, который частью вогналъ въ глубину оконницы головку гвоздя. Я тщательно помѣстилъ верхнюю часть гвоздя въ то отверстіе, изъ котораго я его вынулъ, и сходство съ цѣльнымъ гвоздемъ было безупречнымъ—трещина была невидима. Нажавъ пружину, я тихонько приподнял оконную раму на нѣсколько дюймовъ; головка гвоздя поднялась вмѣстѣ съ нею, оставаясь на свосемъ мѣстѣ. Я закрылъ окно, и общій видъ гвоздя снова оказался цѣльнымъ и законченнымъ.

„Загадка, до этихъ поръ, была теперь разгадана. Убийца бѣжалъ черезъ окно, что находится около кровати. Опустившись, въ силу собственнаго устройства, послѣ его выхода (или, быть можетъ, умышленно закрытое), оно было закрѣждено пружинной; и какъ разъ принявъ по ошибкѣ сопротивленіе пружины за сопротивленіе гвоздя, полиція сочла дальнѣйшее разслѣдованіе бесполезнымъ.

„Ближайшимъ вопросомъ былъ вопросъ, какъ спустился

бѣжавшій. Относительно этого пункта я вполне освѣдомился во время моей прогулки съ вами вокругъ зданія. Около пяти съ половиною футовъ отъ упомянутой оконницы проходить громоотводъ. Отъ этого провода было бы невозможнымъ, для кого бы то ни было, достигнуть до самаго окна, не говоря уже о томъ, чтобы войти въ него. Я наблюдаю, однако, что ставни четвертаго этажа были того особеннаго разряда, которія Французскіе плотники называютъ *ferrades*, желѣзомъ окованныя—ставни весьма рѣдко употребляющіяся въ настоящее время, но часто встрѣчающіяся въ очень старыхъ домахъ въ Лионѣ и въ Бордо. Они имѣютъ форму обыкновенной двери (цѣльной, не двустворчатой), съ тѣмъ лишь отличіемъ, что нижняя часть—рѣшетчатая, или кончается орнаментомъ въ видѣ открытаго трельяжа, давая, такимъ образомъ, превосходную возможность рукамъ уцѣпиться. Въ данномъ случаѣ, эти ставни были очень широки, въ три съ половиною фута ширины. Когда мы глядѣли на нихъ, при осмотрѣ задней части зданія, они были полуоткрыты—т.-е. стояли подъ прямымъ угломъ къ стѣнѣ. Вѣроятно полиція такъ же, какъ я, изслѣдовала заднюю часть зданія; но, если такъ, смотря на эти *ferrades* въ смыслѣ ихъ ширины (какъ она должна была это сдѣлать), она не замѣтила самой ихъ ширины весьма большой, или, во всякомъ случаѣ, опустила этотъ пунктъ, не принявъ его въ должное соображеніе. На самомъ дѣлѣ, убѣдившись однажды, что побѣгъ не могъ быть совершенъ въ данномъ мѣстѣ, она естественно, удовлетворилась здѣсь лишь бѣглымъ осмотромъ. Для меня было ясно, однако, что ставни окна, находящагося у изголовья кровати, будучи распахнуты совершенно до стѣны, достигаютъ разстоянія двухъ футовъ отъ громоотвода. Было также явно, что помощью весьма необычной степени усилія и храбрости, проникновеніе въ окно съ провода, могло быть такимъ образомъ осуществлено. Достигнувъ на разстояніе двухъ съ половиной футовъ (при на-

шемъ теперешнемъ предположеніи, что ставни открыты цѣлкомъ), разбойникъ могъ цѣпко ухватиться за рѣшетчатый выступъ. Выпустивъ потомъ изъ рукъ своихъ проводъ, прижавъ свои ноги плотно къ стѣнѣ, и смѣло прыгнувъ внутрь, онъ могъ увлечь за собой ставню, такъ что она захлопнулась, и если мы допустимъ, что окно было въ данный мигъ открыто, могъ самъ съ размаху ворваться въ комнату“.

„Я хочу, чтобы вы особливимъ образомъ помнили, что я говорилъ о *весьма* необычайной степени усилія, потребной для успѣха въ продѣлкѣ такой рискованной и такой трудной. Мое намѣреніе—показать вамъ, во первыхъ, что таковая вещь могла совершиться, что это возможно; но, во-вторыхъ, и *главнымъ* образомъ, я хочу напечатлѣть въ вашемъ пониманіи *весьма чрезвычайный*, почти сверхъестественный, характеръ той ловкости, которая могла это совершить.

„Вы скажете, безъ сомнѣнія, употребляя судебный языкъ, что, „для того, чтобы выиграть дѣло“, я долженъ былъ бы скорѣе уменьшать значеніе усилія, необходимаго въ данномъ случаѣ, нежели настаивать на полной его оцѣнкѣ. Можетъ быть, это практика закона, но не таково требованіе разсудка. Моя конечная цѣль—лишь истина. Моя непосредственная задача заставить васъ сблизить это *весьма необычное* усиліе, о которомъ я только что говорилъ, съ тѣмъ *совершенно особеннымъ* пронзительнымъ (или рѣзкимъ) и *неровнымъ* голосомъ, относительно принадлежности котораго къ какой-либо народности не было двухъ согласующихся свидѣтелей, и въ которомъ не могли уловить слоговой членораздѣльности“.

При этихъ словахъ смутное и полусложившееся представленіе о томъ, что разумѣтъ Дюпенъ, проскользнуло въ мой умъ. Мнѣ казалось, что я былъ на грани пониманія, не имѣя силы понять, какъ иногда люди находятъ на краю воспоминанія, не будучи способны, въ

концѣ-концовъ, припомнить. Мой другъ продолжалъ свою рѣчь.

„Вы видите“, сказалъ онъ, „что вопросъ о способѣ происхождения я перемѣнилъ на вопросъ о вхожденіи. Моимъ намѣреніемъ было внушить мысль, что и то и другое совершалось тѣмъ же самымъ способомъ и на томъ же самомъ мѣстѣ. Вернемся теперь внутрь комнаты. Посмотримъ, какой все имѣло тамъ видъ. Выдвижные ящики комода, какъ было сказано, были разграблены, хотя многія вещи изъ одежды оставались еще тамъ. Заключение здѣсь негѣбно. Это простая догадка—очень глупая—и не больше. Какъ можемъ мы знать, что предметы, найденные въ ящикахъ, не представляютъ изъ себя всего того, что первоначально въ этихъ ящикахъ находилось? Madame Л'Эспанэ и ея дочь жили чрезвычайно уединенной жизнью—ни съ кѣмъ не видались—выходили рѣдко, имѣли мало случаевъ для многочисленной перемѣны одежды. То, что было найдено, было по крайней мѣрѣ, такого же хорошаго качества, какъ что-либо иное, что могло принадлежать этимъ дамамъ. Если воръ взялъ что-нибудь, почему не взялъ онъ лучшее—почему не взялъ онъ все? Однимъ словомъ, почему оставилъ онъ 4.000 франковъ золотомъ, и нагромодилъ на себя связку бѣлья? Золото *было* оставлено. Почти вся сумма, упомянутая Monsieur Мильо, банкротъ, была найдена въ мѣшкахъ на полу. Я хочу поэтому устранить изъ вашихъ мыслей безсвязную догадку о *побудительной причинѣ*, порожденную въ умахъ полиціи той частью свѣдѣтельства, которая говоритъ о деньгахъ, переданныхъ изъ рукъ въ руки у самыхъ дверей дома. Совпаденія въ десять разъ болѣе замѣчательныя, чѣмъ это (передача денегъ и убійство, совершенное три дня спустя) случаются съ нами въ нашей жизни ежедневно, не привлекая къ себѣ даже минутнаго вниманія. Совпаденія, вообще, суть великій камень преткновения на дорогѣ этого разряда размышляльщиковъ, которые такъ

воспитаны, что ничего не знают о теоріи вѣроятностей — той теоріи, которой наиболѣе славныя области человѣческаго изысканія были обязаны наиболѣе славными своими достижениями. Въ данномъ случаѣ, если бы золото исчезло, фактъ передачи его три дня тому назадъ составилъ бы нѣчто большее, чѣмъ совпаденіе. Онъ подкрѣплялъ бы мысль о побудительной причинѣ. Но при дѣйствительныхъ обстоятельствахъ дѣла, если мы предположимъ, что золото было побудительной причиной этого злодѣянія, мы должны также вообразить себѣ свершителя дѣянія столь нерѣшительнымъ идиотомъ, что онъ оставилъ вмѣстѣ и золото и свою побудительную причину“.

„Теперь, твердо держа въ памяти пункты, на которые я обратилъ ваше вниманіе—этотъ особенный голосъ, эта необычайная ловкость, и это поразительное отсутствіе побудительной причины для убійства, столь особенно жестокаго, какъ это—посмотримъ на самое злодѣяніе. Женщина задушена на смерть сильными руками и втиснута въ каминную трубу головой внизъ. Обыкновенные убійцы не прибѣгаютъ къ такимъ способамъ убіенія, какъ этотъ. Менѣе всего они такимъ образомъ распоряжаются убитыми. Въ этой манерѣ втиснуть трупъ въ каминъ, вы должны допустить, было что-то *до чрезвычайности превеличественное*—что-то совершенно несовмѣстимое съ нашими общими представленіями о человѣческомъ дѣйствіи, даже, когда мы допустимъ, что дѣйствующія лица являются самыми извращенными людьми. Подумайте, кромѣ того, насколько велика должна была быть сила, которая смогла такъ втиснуть тѣло *вверхъ* въ отверстіе, столь насильственно, что соединенныя усилія нѣсколькихъ лицъ оказались едва достаточными, чтобы стащить его *внизъ*“.

„Обратимся теперь къ другимъ указаніямъ, свидѣтельствующимъ о силѣ самой удивительной. Въ очагѣ были найдены густыя пряди—сѣдыхъ человѣческихъ волосъ. Они были вырваны съ корнемъ. Вы знаете, какая нужна

большая сила, чтобы вырвать такимъ образомъ изъ головы хотя-бы двадцать или тридцать волосъ вмѣстѣ. Вы видѣли упомянутыя пряди такъ же, какъ я. Корни ихъ (отвратительное зрѣлище) были слиплены запекшеюся кровью—кусочками черепного покрова—вѣрный знакъ удивительной силы, которая была примѣнена, чтобы вырвать, быть можетъ, полмилліона волосъ сразу. Горло старой дамы не было просто перерѣзано, но голова ея совершенно была отдѣлена отъ тѣла—орудіемъ была простая бритва. Я хочу, чтобы вы также обратили вниманіе на *звѣрскую* свирѣность такихъ дѣяній. О кровоподтекахъ на тѣлѣ madame Л'Эспанэ я не говорю. Monsieur Дюма и достойный его помощникъ, Monsieur Этьенъ, высказались, что они были причинены каквмъ-либо тупымъ орудіемъ; и въ этомъ данные господа говорятъ вполне правильно. Тупымъ орудіемъ была, очевидно, каменная выстилка двора, на который жертва упала изъ окна, находящагося на нѣкоторомъ разстояніи отъ постели. Эта мысль, какъ она ни проста, ускользнула отъ полиціи по той же самой причинѣ, по которой отъ нихъ ускользнула мысль о ширинѣ ставни—такъ какъ, благодаря обстоятельству съ гвоздями, ихъ воспріятіе было герметически закупорено для допущенія возможности, что окно когда-либо открывалось.

„Если теперь, въ придачу ко всему этому, вы надлежащимъ образомъ помыслили о странномъ безпорядкѣ въ комнатахъ, мы ушли впередъ настолько, чтобы сочетать представленія объ удивительной ловкости, о сверхчеловѣческой силѣ, о звѣрской свирѣности, о злодѣяніи безъ побудительной причины, о *гротескности* въ ужасѣ, совершенно чуждомъ человѣческой природѣ, и о голосѣ, чуждомъ по тону слуху представителей разныхъ народностей и чуждомъ какой-либо различимой слоговой членораздѣльности. Какой-же получается отсюда результатъ? Какое впечатлѣніе произвелъ я на ваше воображеніе?“

Я почувствовалъ, что по кожѣ у меня поползли мурашки, когда Дюпенъ задалъ мнѣ этотъ вопросъ. „Сумасшедшій“, сказалъ я, „сдѣлалъ это дѣяніе какой-нибудь маниакъ, объятый буйнымъ помѣшательствомъ—бѣжавшій изъ какой-нибудь лѣчебницы по сосѣдству“.

„Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ“, отвѣтилъ онъ, „ваша мысль не неприемлема: но голоса сумасшедшихъ, даже въ припадкахъ самаго сильнаго изступленія, никогда не согласуются съ тѣмъ, что было особеннаго въ этомъ голосѣ, слышавшемся наверху. Сумасшедшіе принадлежатъ къ какой-нибудь народности, и ихъ языкъ, какъ бы онъ ни былъ безсвязенъ въ словахъ, всегда имѣетъ слоговую связность. Кромѣ того, волосы какого-либо сумасшедшаго не таковы, какъ тѣ, что я держу въ моей рукѣ. Я высвободилъ этотъ маленькій клочекъ изъ окоченѣло сжатыхъ пальцевъ Madame Л'Эспанэ. Скажите мнѣ, что вы думаете о нихъ?“

„Дюпенъ“, сказалъ я, совершенно потрясенный, „эти волосы необычны до чрезвычайности—это не *человѣческіе* волосы“.

„Я не утверждалъ, что они *человѣческіе*“, сказалъ онъ; „но, прежде чѣмъ мы разрѣшимъ данный пунктъ, я хочу, чтобы вы взглянули на небольшой рисунокъ, который я сдѣлалъ вотъ здѣсь, на бумагѣ. Это *факсимиле*, точный рисунокъ того, что было описано въ нѣкоторой части показаній, „какъ темные кровоподтеки, и глубокія вдавленныя отъ ногтей“ на горлѣ Mademoiselle Л'Эспанэ, и, въ другомъ показаніи (данномъ Monsieur Дюма и Этьеномъ), описанномъ какъ рядъ синихъ пятенъ, очевидно, отъ нажатія пальцевъ.“

„Вы можете замѣтить“, продолжалъ мой другъ, развертывая бумагу на столѣ передъ нами, „что этотъ рисунокъ даетъ представленіе о твердой и крѣпкой хваткѣ. Тутъ, на видъ, нѣтъ ничего *скользящаго*. Каждый палецъ сохранялъ—возможно, до самой смерти жертвы—страшную

хватку, первоначально вдавившую его. Попробуйте теперь помѣстить всѣ ваши пальцы, въ одно и то же время, въ соответственные отпечатки пальцевъ, какъ вы ихъ видите“.

Моя попытка была безуспѣшной.

„Возможно, что мы дѣлаемъ опытъ не надлежащимъ образомъ“, сказалъ онъ. „Бумага распространена на ровной поверхности, а человѣческое горло — цилиндрическое. Вотъ деревянный чурбанъ, окружность котораго, приблизительно, та же, что окружность горла. Обверните рисунокъ вокругъ, и сдѣлайте опытъ сначала.“

И сдѣлать такъ, но трудность стала еще большей, чѣмъ прежде. „Это“, сказалъ я, „отпечатокъ не человѣческой руки“.

„Прочтите теперь“, отвѣтилъ Дюпенъ, „этотъ отрывокъ изъ Кювье“.

Это было подробное анатомическое и общее описаніе большого, темно-бураго Орангутанга Восточныхъ Индійскихъ Острововъ. Гигантскій ростъ, изумительная мощь, и размахъ усилія, дикая свирѣпость, и подражательныя склонности этихъ млекопитающихъ, достаточно хорошо пзвѣстны всѣмъ. Я понялъ весь ужасъ убійства, въ его полнотѣ, сразу.

„Описаніе пальцевъ“, сказалъ я, прочтя отрывокъ, „вполнѣ согласуется съ этимъ рисункомъ. Я вижу, что никакое животное, кромѣ Орангутанга, изъ разряда здѣсь описаннаго, не могло сдѣлать отпечатки вдавленія, какъ вы ихъ здѣсь отмѣтили. Этотъ клочъ бурыхъ волосъ, кромѣ того, вполнѣ тождествененъ по характеру съ волосами звѣря, описаннаго у Кювье. Но я не могу понять, какъ могли осуществиться подробности этой страшной тайны. Кромѣ того, тамъ были слышны два голоса въ спорѣ, и одинъ изъ нихъ былъ, безспорно, принадлежащій Французу.“

„Правда; и вы вспомните восклицаніе, которое припи-

сывали почти единогласно свидѣтели этому голосу, восклицаніе „*Боже мой!*“ Эти слова, при данныхъ обстоятельствахъ, были справедливо опредѣлены однимъ изъ свидѣтелей (Монтани, кондитеръ), какъ выраженіе упрека, или укора. На этихъ двухъ словахъ я, потому, построилъ, главнымъ образомъ, всё мои чаянія на полное разрѣшеніе загадки. Какой-то Французъ знаетъ объ убійствѣ. Возможно—и въ дѣйствительности болѣе чѣмъ вѣроятно—что онъ не виновенъ въ какомъ-либо соучастіи въ этомъ кровавомъ дѣлѣ. Орангутангъ могъ убѣжать отъ него. Онъ могъ гнаться за нимъ до самой комнаты; но при волнующихъ обстоятельствахъ, которыя за сямъ послѣдовали, онъ никакъ не могъ овладѣть имъ. Орангутангъ еще на свободѣ Я не хочу продолжать эти догадки—я не имѣю права назвать ихъ болѣе чѣмъ догадками—разъ тѣни размышленія, на которомъ они основаны, отличаются глубиной едва достаточной, чтобы быть оцѣненными собственнымъ моимъ разумомъ, и разъ я не могъ бы притязать сдѣлать ихъ понятными для пониманія другого. Итакъ, мы назовемъ ихъ догадками, и будемъ говорить о нихъ, какъ о таковыхъ. Если упомянутый Французъ дѣйствительно, какъ я предполагаю, неповиненъ въ этомъ жестокомъ преступленіи, это вотъ объявленіе, которое вчера вечеромъ, при нашемъ возвращеніи домой я оставилъ въ конторѣ газеты „*Le Monde*“ (газета, посвященная корабельнымъ интересамъ, и очень любимая моряками), привезеть его къ намъ на квартиру“.

Онъ протянулъ мнѣ газету и я прочелъ: „*Пойманъ.— Въ Булонскомъ лѣсу, рано утромъ, такого-то числа (утро убійства), очень большой бурей Орангутангъ изъ разряда водящихся на Борнео. Собственникъ (какъ известно, морякъ, принадлежащій къ экипажу Мальтійскаго Судна) можетъ получить животное, удостовѣривъ достаточно притязанія, и заплативъ небольшіе расходы, возникшіе изъ-за его поимки и содержанія. Прийти въ*

*домъ № такой-то—улица такая-то—Сэнъ-Жерменское
предмѣстье—на третьемъ этажѣ“.*

„Какимъ образомъ“, спросилъ я, „это было возможно, чтобы вы узнали, что данный человекъ морякъ и принадлежитъ къ экипажу Мальтійскаго Судна?“

„Я не знаю этого“, сказалъ Дюпень. „Я не *увѣренъ* въ этомъ. Вотъ, однако же, маленькій обрывокъ ленты, который, судя по его формѣ и по его засаленному виду, очевидно, служилъ для завязыванія волосъ одного изъ тѣхъ длинныхъ *хвостовъ*, которые столь возлюблены моряками. Кромѣ того, завязать такой узелъ умѣютъ лишь немногіе, кромѣ моряковъ, и онъ составляетъ особую принадлежность Мальтійцевъ. Я подобралъ ленту внизу промощованія. Она не могла принадлежать ни той, ни другой изъ покойницъ. Если теперь, послѣ всего, я ошибся въ моей догадкѣ относительно этой ленты, и Французъ не морякъ, принадлежащій къ экипажу какого-нибудь Мальтійскаго Судна, я все же ничего не сдѣлалъ злого, сказавъ это въ своемъ объявленіи. И если я ошибся, онъ просто предположить, что я введенъ въ заблужденіе какимъ-нибудь обстоятельствомъ, которое онъ не потрудится разслѣдовать. Но, если я не ошибся, большой важности пунктъ здѣсь выпгранъ. Зная объ убійствѣ, хотя и не будучи въ немъ повиненъ, Французъ, естественно, будетъ колебаться отвѣтить на объявленіе—и требовать своего Орангутанга. Онъ будетъ разсуждать такъ:—„Я не виновенъ; я бѣденъ; мой Орангутангъ весьма цѣненъ—для человека, находящагося въ моемъ положеніи, это цѣлое состояніе—къ чему бы я сталъ его терять изъ-за пустой боязни опасности. Вотъ онъ здѣсь, въ моихъ рукахъ. Онъ былъ найденъ въ Булонскомъ лѣсу на большомъ разстояніи отъ мѣста преступленія. Какимъ образомъ могло бы возникнуть подозрѣніе, что глупое животное могло совершить такое дѣло? Полиція дала промахъ—она не смогла найти ни малѣйшаго пути къ разгадкѣ.“

Если бы даже она и прослѣдила животное, невозможно было-бы доказать, что я знаю объ убійствѣ, или впутать меня въ преступленіе по причинѣ такого знанія. Прежде всего, я извѣстенъ. Объявляющій опредѣляетъ меня, какъ собственника звѣря, я не увѣренъ, до какихъ предѣловъ можетъ простираться его знаніе. Если я стану избѣгать притязаній на собственность такой большой цѣны, относительно которой извѣстно, что она принадлежитъ мнѣ, я сдѣлаю животное, по крайней мѣрѣ, подозрительнымъ. Благоразуміе мое не велитъ мнѣ привлекать вниманіе къ себѣ, или къ звѣрю. Я отвѣчу на объявленіе, получу обратно Орангутанга, и буду держать его взаперти, пока это дѣло не будетъ забыто“. Въ это мгновеніе мы услышали на лѣстницѣ шаги.

„Будьте наготовѣ“, сказалъ Дюпенъ, „держите ваши пистолеты, но не пользуйтесь ими и не показывайте ихъ до того, какъ я не дамъ вамъ сигнала“.

Входная дверь дома была оставлена открытой, и посетитель вошелъ безъ звонка, и поднялся на нѣсколько ступенекъ по лѣстницѣ. Послѣ этого, однако, онъ заколебался. Вотъ мы услышали, что онъ началъ сходить. Дюпенъ быстро направился къ двери, какъ вдругъ мы услышали, что онъ всходитъ. Онъ не повернулъ назадъ вторично, но рѣшительно подошелъ къ двери нашей комнаты, и постучалъ въ нее.

„Войдите“, сказалъ Дюпенъ веселымъ и привѣтливымъ голосомъ.

Человѣкъ вошелъ. Это былъ, очевидно, морякъ—высокій, статный и, какъ кажется, мускулистый, съ нѣкоторымъ дьявольски-дерзкимъ выраженіемъ въ лицѣ, нельзя сказать, чтобы отталкивающимъ. Лицо его, сильно загорѣлое, было болѣе чѣмъ наполовину скрыто бакенбардами и усами, въ рукахъ у него была огромная дубина, но кромѣ этого онъ былъ, повидимому, не вооруженъ. Онъ неловко поклонился и пожелалъ намъ „добраго вечера“.

съ Французскимъ акцентомъ, который хотя былъ нѣсколько Певшательскій, все же достаточно указывалъ на Парижское происхожденіе.

„Садитесь, любезнѣйшій“, сказалъ Дюпень. „Вы пришли, какъ я полагаю, за Орангутангомъ. Честное слово, я почти завидую вамъ, что онъ вамъ принадлежитъ; очень красивое и, безъ сомнѣнія, весьма цѣнное животное. Сколько ему лѣтъ, какъ вы думаете?“ Морякъ перевелъ дыханіе съ видомъ человѣка, освобожденнаго отъ какой-то невыносимой тяжести, и послѣ этого отвѣтилъ увѣреннымъ тономъ:

„Не сумѣю вамъ сказать, но ему не можетъ быть больше, чѣмъ четыре, или пять лѣтъ отъ роду. Онъ у васъ здѣсь?“

„О, нѣтъ; у насъ нѣтъ подходящаго помѣщенія, чтобы держать его здѣсь. Онъ на извозничьемъ дворѣ, на улицѣ Дюбуръ, по сосѣдству. Вы можете получить его утромъ. Вы, конечно, имѣете съ собой бумаги, чтобы подтвердить притязаніе?“

„Конечно, Monsieur“.

„Жаль мнѣ съ нимъ разставаться“, сказалъ Дюпень.

„Я не хочу, конечно, сказать, что вы взяли на себя все эти хлопоты зря“, сказалъ человѣкъ. „Не могъ бы на это рассчитывать. Готовъ охотно заплатить за поймку животного—т.е. что-нибудь подходящее“.

„Хорошо“, отвѣтилъ мой другъ, „все это весьма превосходно, по-истинѣ. Дайте мнѣ подумать!—Что бы я хотѣлъ получить? О, я скажу вамъ. Моя награда будетъ вотъ какая. Вы дадите мнѣ все указанія, какія въ вашей власти дать, относительно этого убійства въ улицѣ Моръ“.

Дюпень сказалъ послѣднія слова очень пониженнымъ тономъ и очень спокойно. Такъ же спокойно онъ пошелъ къ двери, замкнулъ ее, и ключъ положилъ къ себѣ въ карманъ. Онъ вынулъ послѣ этого пистолетъ изъ боко-

вого кармана и безъ малѣйшей тревоги положилъ его передъ собою на столъ.

Лицо моряка покрылось яркой краской, какъ будто онъ боролся съ удушеніемъ. Онъ вскочилъ и схватилъ свою дубину; но въ слѣдующій же мигъ онъ упалъ назадъ на свое сидѣнье, охваченный страшной дрожью, и имѣя ликъ самой смерти. Онъ не говорилъ ни слова. Я пожалѣлъ его отъ всего сердца.

„Послушайте, добрѣйшій“, сказалъ Дюпенъ ласковымъ голосомъ, „вы тревожитесь безъ всякой нужды—повѣрьте. Мы не замышляемъ противъ васъ никакого зла. Клянусь вамъ честью джентльмена и Француза, что мы вовсе не намѣрены вамъ ничѣмъ повредить. Я отлично знаю, что вы не виновны въ жестокихъ преступленіяхъ улицы Моргъ. Безполезно было бы, однако, отрицать, что вы, до извѣстной степени, въ нихъ запутаны. Изъ того, что я уже сказалъ, вы должны знать, что я имѣлъ нѣкоторыя возможности получить свѣдѣнія о данномъ дѣлѣ — возможности, о которыхъ вамъ никогда не могло и присниться. Теперь дѣло обстоитъ такъ. Вы не сдѣлали ничего, чего бы вы могли избѣгнуть — ничего, во всякомъ случаѣ, что сдѣлало бы васъ виновнымъ. Вы даже были неповинны въ воровствѣ, когда вы могли украсть безнаказанно. Скрывать вамъ нечего. У васъ нѣтъ никакихъ причинъ для скрыватьства. Съ другой стороны, вы связаны всѣми доводами чести, побуждающими васъ признаться во всемъ, что вы знаете. Невинный человѣкъ заключенъ въ тюрьму, его обвиняютъ въ преступленіи, совершителя котораго вы можете указать“.

Въ то время, какъ Дюпенъ говорилъ эти слова, къ моряку, въ значительной степени, вернулось его присутствіе духа; но первоначальная смѣлость его манеры совершенно исчезла.

„Да поможетъ мнѣ Богъ“, сказалъ онъ послѣ короткой паузы, „я *расскажу* вамъ все, что я знаю объ этомъ“

дѣлѣ;—но я не жду, чтобы вы повѣрили мнѣ и наполовину—по-вѣстияѣ, я былъ бы глупцомъ, если бы этого ждалъ. И все же, я не виновенъ, я сброшу съ своего сердца тяжесть, хоть бы мнѣ пришлось умереть за это“.

То, что онъ разскажалъ, было вкратцѣ слѣдующее. Онъ совершилъ недавно путешествіе въ Индійскій архипелагъ. Компанія, къ которой онъ принадлежалъ, высадилась въ Борнео, и предприняла увеселительную экскурсію въ глубь страны. Онъ и его товарищъ поймали Орангутанга. Этотъ товарищъ его умеръ, и животное стало, такимъ образомъ, его безраздѣльною собственностью. Послѣ большихъ хлопотъ, причиненныхъ несговорчивой свирѣпостью его плѣнника, во время возвратнаго путешествія домой, ему, наконецъ, удалось помѣстить его благополучно у себя на квартирѣ въ Парижѣ, гдѣ во избѣжаніе докучливаго любопытства сосѣдей, онъ держалъ его въ полномъ уединеніи, до того времени какъ онъ поправится отъ раны на ногѣ, полученной имъ отъ осколка кости на палубѣ корабля. Окончательной его мыслью было продать Орангутанга.

Возвращаясь домой съ какой-то матросской пирушки, въ ночь, или, вѣрнѣе, въ утро убійства, онъ нашелъ животное расположившимся въ его собственной спальнѣ, въ которую оно ворвалось изъ сосѣдняго помѣщенія, гдѣ, какъ онъ думалъ, оно было надежнымъ образомъ припрятано. Съ бритвой въ рукѣ, и все намыленное, оно возсѣдало передъ зеркаломъ, пытался совершить операцію бритья, въ каковой, безъ сомнѣнія, оно раньше подсмотрѣло своего хозяина черезъ замочную скважину. Устрашенный видомъ такого опаснаго орудія, находящагося въ распоряженіи у животнаго столь свирѣпаго и столь способнаго имъ воспользоваться, въ теченіи нѣсколькихъ мгновеній онъ совершенно не зналъ, что дѣлать. Онъ, однако, привыкъ укрощать звѣря, даже въ самые свирѣпыя его припадки, употребленіемъ хлыста, и къ нему онъ

теперь побѣгъ. При видѣ него, Орангутангъ сразу выпрыгнулъ черезъ дверь комнаты, внизъ по лѣстницѣ, и оттуда черезъ окно, къ несчастью бывшее открытымъ, на улицу.

Французъ послѣдовалъ за нимъ въ отчаяніи; обезьяна, все еще держа бритву въ рукѣ, время отъ времени оставалась, чтобы обернуться назадъ и продѣлать разныя гримасы своему преслѣдователю, когда послѣдній уже почти наступалъ ее. Потомъ она опять обращалась въ бѣгство. Охота продолжалась, такимъ образомъ, довольно значительное время. Улицы были совершенно тихими, такъ какъ было около трехъ часовъ утра. При проходѣ черезъ улочку, что находится за улицей Моргъ, вниманіе бѣглеца было приковано свѣтомъ, исходящимъ изъ открытаго окна въ комнатѣ Madame Л'Эспанэ, на четвертомъ этажѣ ея дома. Бросившись къ этому зданію, животное замѣтило громоотводъ, вскарабкалось по нему съ непостижимой ловкостью, ухватилося за ставню, которая была раскрыта до самой стѣны и, съ помощью ея, вспрыгнуло прямо на изголовье кровати. Вся продѣлка не продолжалась и минуты, ставня отхлопнулась на прежнее мѣсто, въ то время какъ Орангутангъ толкнулъ ее, входя въ комнату.

Морякъ, тѣмъ временемъ, былъ сразу и обрадованъ и смущенъ. У него была теперь твердая надежда снова поймать животное, такъ какъ наврядъ ли оно могло ускользнуть изъ западни, въ которую оно само дерзнуло устремиться, развѣ что оно опять воспользовалось бы громоотводомъ, гдѣ оно могло быть перехвачено. Съ другой стороны, было много основаній тревожиться о томъ, что оно могло сдѣлать въ домѣ. Это послѣднее соображеніе побудило моряка послѣдовать за бѣглецомъ. Онъ взобрался по громоотводу безъ затрудненій, онъ же вѣдь морякъ; но, когда онъ достигъ до окна, находившагося высоко надъ нимъ слѣва, его путь былъ остановленъ; самое

большее, что онъ могъ сдѣлать, это дотянуться настолько, чтобы быть въ состояніи заглянуть внутрь комнаты. Заглянувъ туда, онъ почти упалъ и чуть не выпустилъ изъ рукъ проводъ, благодаря чрезмѣрному своему ужасу. Это тогда раздались тѣ ужасные крики въ ночи, которые пробудили отъ дремоты жителей улицы Моргъ. Madame Л'Эспанэ и ея дочь, одѣтыя въ ночные свои костюмы, повидимому, были заняты приведеніемъ въ порядокъ нѣкоторыхъ бумагъ въ уже упомянутомъ желѣзномъ сундукѣ, который былъ выдвинутъ на середину комнаты. Онъ былъ открытъ, и то, что въ немъ находилось, лежало рядомъ, на полу. Жертвы, должно быть, сидѣли спиною къ окну, и, судя по времени, прошедшему между вошествіемъ звѣря и криками, надо думать, что онъ былъ замѣченъ не немедленно. Хлопанье ставни, естественно, могло быть приписано вѣтру.

Когда морякъ заглянулъ въ окно, гигантское животное схватило Madame Л'Эспанэ за волосы (она ихъ причесывала и они были распущены), и размахивало бритвой вокругъ ея лица, въ подражаніе движеніямъ цирюльника. Дочь лежала на полу распростертая и недвижная; она была въ обморокѣ. Крики и судорожныя движенія старой дамы (причемъ съ головы ея были сорваны волосы) оказали то дѣйствіе, что, по всему вѣроятію, мирныя намѣренія Орангутанга превратились въ гнѣвъ. Быстро взмахнувъ своей мускулистой рукой, онъ однимъ движеніемъ почти отдѣлил ея голову отъ туловища. Видъ крови возбуждалъ его гнѣвъ до ярости. Скрежеща зубами и меча пламень изъ глазъ, онъ бросился на тѣло дѣвушки и погрузилъ свои страшные когти въ ея горло, сжимая его, пока она не умерла. Его блуждающіе дикіе взгляды упали въ это мгновеніе на изголовье кровати, надъ которымъ какъ разъ было различимо лицо его хозяина, застывшее отъ ужаса. Бѣшенство животнаго, еще помнившаго, безъ сомнѣнія, страшный хлысть, мгновенно обратилось въ страхъ.

Сознавая, что онъ заслужилъ наказаніе, Орангутангъ, по-видимому, хотѣлъ скрыть свои кровавыя дѣянія, и метался по комнатѣ въ агоніи нервнаго возбужденія, опрокидывая и ломая попадавшуюся по пути мебель, и ставивъ постель съ кровати. Въ заключеніе, онъ схватилъ сперва тѣло дѣвушки и втиснулъ въ каминную трубу, гдѣ оно было найдено; потомъ, тѣло старой дамы, которое немедленно было вышвырнуто внизъ головой черезъ окно.

Когда обезьяна приблизилась къ оконницѣ, съ изуродованной своей ношей, морякъ въ ужасѣ отпрянулъ къ громоотводу, и, скорѣе скользя, чѣмъ карабкаясь по проводу внизъ, тотчасъ бѣжалъ домой, страшась послѣдствій злодѣянія, и, въ страхѣ своемъ, съ радостью покидая всякія заботы о судьбѣ Орангутанга. Голоса, которые были услышаны входившими по лѣстницѣ, были восклицаніями ужаса и испуга, вырвавшимися у Француза и перемѣшанными съ дьявольскими бормотаніями звѣря.

Мнѣ почти нечего прибавить. Орангутангъ долженъ былъ ускользнуть изъ комнаты, спустившись по проводу, какъ разъ передъ тѣмъ, когда дверь была взломана. Онъ долженъ былъ закрыть окно, пройдя черезъ него. Позднѣе, онъ былъ пойманъ самимъ собственникомъ, получившимъ за него очень крупную сумму въ Jardin des Plantes. Лебонъ былъ немедленно выпущенъ, послѣ того какъ мы рассказали о всѣхъ обстоятельствахъ (съ нѣкоторыми поясненіями, данными Дюпенемъ) въ бюро Префекта Полиціи. Этотъ чиновникъ, хотя весьма расположенный къ моему другу, не могъ хорошенько скрыть своего огорченія по поводу такого оборота дѣла, и не удержался отъ того, чтобы не сказать два-три сарказма о свойствахъ разныхъ лицъ, вмѣшивающихся въ его дѣла.

„Пусть себѣ говорить“, сказалъ Дюпень, который не счелъ нужнымъ отвѣчать. „Пусть его разглагольствуетъ.“

Это успокоитъ его совѣсть. Я удовольствуюсь тѣмъ, что побилъ его въ собственныхъ его владѣнiяхъ. Тѣмъ не менѣе, то, что онъ не смогъ разрѣшить эту тайну, отнюдь не является столь удивительнымъ, какъ онъ предполагаетъ; ибо, по-истинѣ, нашъ другъ Префектъ нѣсколько слишкомъ хитеръ, чтобы быть глубокимъ. Въ его мудрости нѣтъ *устоя*. Онъ весь изъ головы безъ тѣла, какъ изображенiя Богини Лаверны, или, въ лучшемъ случаѣ, онъ весь голова и плечи, какъ треска. Но онъ доброе существо, въ концѣ-концовъ. Я въ особенности люблю его за его мастерской приѣмъ лицемѣрiя, съ помощью котораго онъ достигъ своей репутацiи находчивости. Я разумѣю его манеру „*de nier ce qui est, et d'expliquer ce qui n'est pas*“, *отрицать то, что есть, и изъяснять то, чего нѣтъ* *).

*) Rousseau—*Nouvelle Héloïse*.